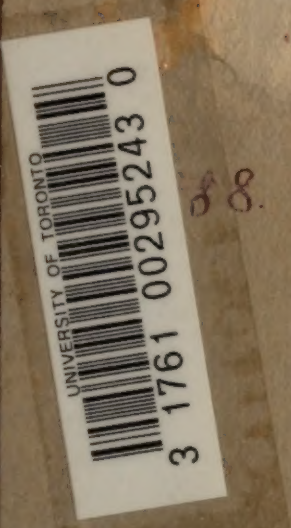
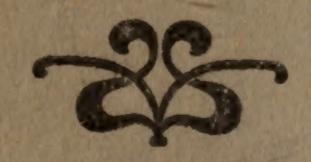

В. А. Мякотинъ.

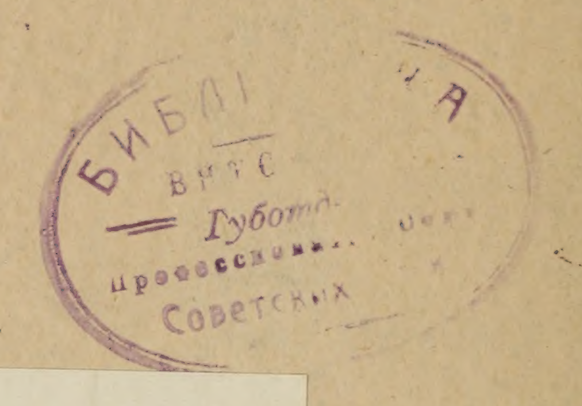
На зарѣ русской общественности.

2-е изданіе.

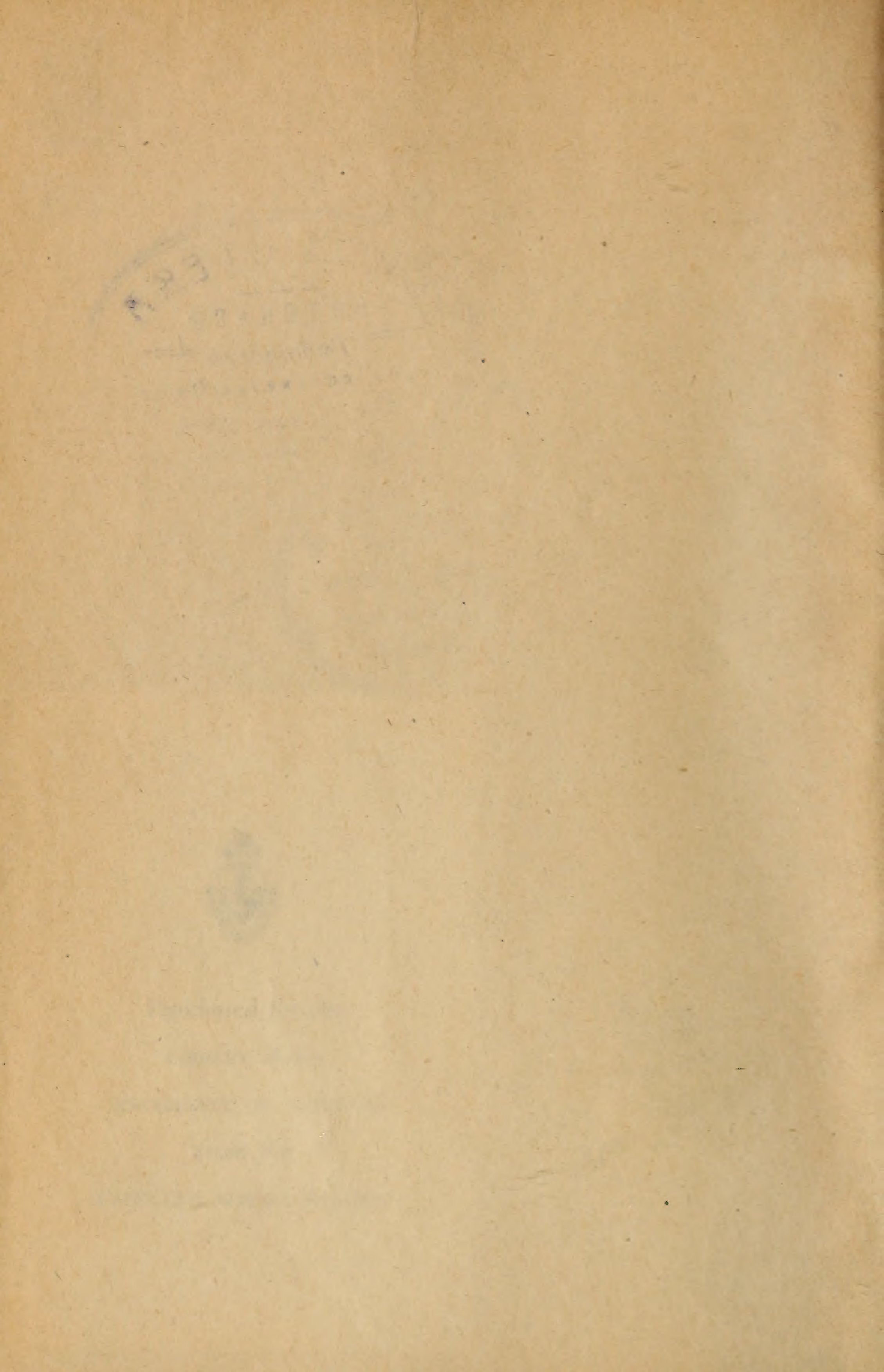

...5 коп.

Изд. Н. Е. Парамонова
„Донская Рѣчь"
...ъ Ростовѣ на Дону

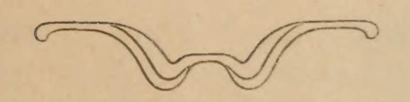

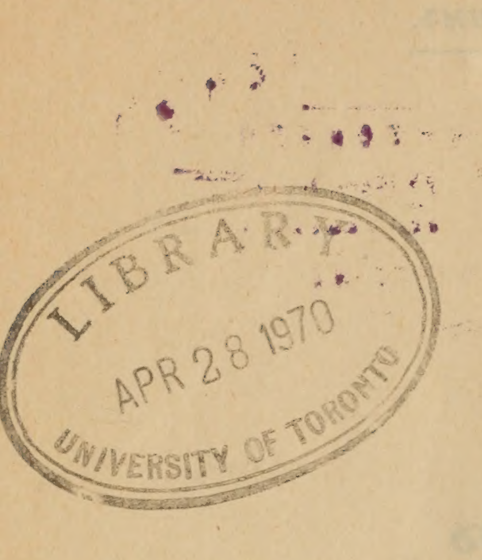

В. А. Мякотинъ.

На зарѣ русской общественности.

Изданіе
Н. Парамонова.
„Донская Рѣчь“
Ростовъ н-Д.

Дозволено цензурою 20 Декабря 1904 года. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Акціонерная печатня.
1905.

На заре русской общественности.

Восемнадцатое столѣтiе, открывшее собою новый перiодъ въ исторiи русскаго государства, въ жизни русскаго общества явилось временемъ рѣзкаго разграниченiя сословныхъ группъ. То зданiе «крѣпостного устава», фундаментъ котораго былъ заложенъ еще въ старомъ московскомъ государствѣ, было быстро достроено въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVIII столѣтiя. Крестьянское прикрѣпленiе за это время окончательно превратилось въ крѣпостную неволю, и одновременно бывшiй государевъ служилый человѣкъ выросъ въ благороднаго россiйскаго дворянина, привилегированнаго владѣльца крѣпостныхъ душъ. Освободившись отъ личныхъ обязанностей по отношенiю къ государству, дворянинъ XVIII вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ значительную долю государственной власти надъ массою крѣпостного крестьянства. Ко второй половинѣ столѣтiя воздвигавшееся такимъ путемъ зданiе сословныхъ привилегiй дворянства было въ общихъ чертахъ уже готово и на долю Екатерининской эпохи досталось лишь завершенiе и увѣнчанiе его.

Но наряду съ этимъ процессомъ измѣненiй соцiальнаго строя въ жизни общества шелъ и другой процессъ,

лишь на первыхъ порахъ совпадавшій въ своихъ результатахъ съ упомянутымъ выше. Сближеніе съ Западомъ, предпринятое первоначально государственною властью ради ея спеціальныхъ нуждъ, скоро стало цѣлью самостоятельныхъ стремленій русскаго общества. Правда, на первыхъ порахъ стремленія, направленныя въ эту сторону, не отличались ни особенной глубиной, ни большою сознательностью. Верхи русскаго общества, располагавшіе теперь большимъ досугомъ и щедро надѣленные матеріальными средствами, жадно набросились на внѣшнюю оболочку европейской цивилизаціи, мало обращая вниманія на внутреннее ея существо. Нерѣдко такое заимствованіе шло и далѣе условій матеріальной обстановки, продолжая, однакоже, оставаться чисто поверхностнымъ. Идеи, составлявшія на Западѣ величайшія завоеванія человѣческой мысли, дававшія содержаніе жизни цѣлыхъ поколѣній, переносились въ Россію въ качествѣ болѣе или менѣе красивыхъ декорацій барскаго быта, не оказывая на него сколько-нибудь глубокаго вліянія. Фразы о равенствѣ людей спокойно уживались въ этомъ быту рядомъ съ грубѣйшими насиліями крѣпостного права, восхваленія свободы нисколько не мѣшали широкому распространенію культа безправія. Заимствованныя слова не претворялись въ идеи и, не проникая въ глубину сознанія, не находили себѣ никакого реальнаго примѣненія въ жизни. На этой своей ступени европейское вліяніе лишь расширяло и углубляло ту пропасть, какая была вырыта между русскими общественными классами условіями ихъ соціальнаго развитія. Грубая роскошь барства, ослѣплявшая глаза современниковъ этой эпохи, оплачивалась быстро возраставшею тяжестью невольнаго крестьянскаго труда, а верхушки европейскаго просвѣщенія, схваченныя высшими классами общества лишь рѣзче подчеркивали грань, раздѣлявшую эти классы отъ невѣжественной массы народа.

Однакоже, разъ войдя въ русскую жизнь, западное вліяніе постепенно стало отвоевывать себѣ въ ней и иного

рода роль, болѣе самостоятельную и активную. До извѣстной степени путь къ завоеванію такой роли былъ для него расчищенъ. Средневѣковыя понятія и представленія, составлявшія содержаніе умственной жизни московской Руси, были изжиты ею уже къ концу XVII вѣка, когда несостоятельность ихъ обнаружилась съ полною очевидностью. Съ той поры старое міросозерцаніе потеряло безграничную власть надъ умами не только высшихъ слоевъ общества, но и значительной части народа. Но въ то время, какъ народная масса, отрѣзанная отъ просвѣщенія и предоставленная лишь собственнымъ своимъ силамъ, искала основъ новаго міросозерцанія почти исключительно на почвѣ религіозныхъ представленій, передъ верхними слоями русскаго общества открылась широкая дорога къ источникамъ европейскаго просвѣщенія. Моментъ, въ который они ступили на эту дорогу, совпадалъ съ необычайнымъ оживленіемъ философской и научной мысли на самомъ Западѣ. Какъ разъ въ это время просвѣтительная философія гордо поднимала во Франціи свое знамя и во имя требованій разума начинала ожесточенную борьбу съ остатками феодально-католическаго строя. Такимъ образомъ, едва успѣвъ выработать себѣ формы замкнутаго сословнаго быта, русское общество становилось свидѣтелемъ могучаго идейнаго движенія, заключавшаго въ себѣ горячій протестъ противъ основныхъ принциповъ подобнаго быта, и вступало даже въ извѣстное общеніе съ этимъ движеніемъ. Противорѣчіе, заключавшееся въ такомъ положеніи вещей, могло оставаться невскрытымъ лишь до той поры, пока самое общеніе съ Западомъ носило чисто внѣшній и механическій характеръ. Для большинства общества оно и оставалось такимъ въ теченіи всего восемнадцатаго столѣтія. Но, по крайней мѣрѣ, небольшая часть русскаго общества успѣла за это время перейти отъ простого заимствованія иноземныхъ обычаевъ и взглядовъ къ сознательному усвоенію плодовъ теоретической мысли Запада. Прямымъ послѣдствіемъ такого перехода для испы-

тавшихъ его общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей явились попытки осмыслить собственное положеніе и выработать новое міросозерцаніе на основѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній и взглядовъ. Не одинаково складываясь у различныхъ группъ общества, въ разной мѣрѣ испытавшихъ на себѣ воздѣйствіе западныхъ вѣяній, эти попытки во всякомъ случаѣ уводили мысль на новые пути и неизбѣжно порождали критику русской дѣйствительности съ новыхъ точекъ зрѣнія. Такъ на почвѣ общенія съ умственными теченіями Запада зарождалось идейное движеніе въ нѣдрахъ самого русскаго общества. Въ рамкахъ настоящаго очерка мы попытаемся представить читателю характеристику одного,—быть можетъ, самаго крупнаго—изъ дѣятелей этого движенія—А. Н. Радищева. Въ томъ пути, какимъ сложилось міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка, и въ той судьбѣ, какая выпала на его долю въ жизни, ярко отразились характеръ и результаты умственнаго движенія, ознаменовавшаго собою послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка въ Россіи.

I.

О раннихъ годахъ жизни Радищева сохранились лишь краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Онъ родился 20 августа 1749 г., въ зажиточной дворянской семьѣ, по своему происхожденію принадлежавшей къ массѣ рядового русскаго дворянства. Дѣдъ его изъ Петровскихъ потѣшныхъ дослужился до бригадирскаго чина и путемъ женитьбы на богатой невѣстѣ пріобрѣлъ имѣніе въ Саратовской губерніи. Сынъ его и отецъ писателя былъ помѣщикомъ средней руки, по своему времени довольно образованнымъ и гуманнымъ, хотя его образованіе мирно уживалось съ немалою долею суевѣрія. Въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ не было жестокости, и его крѣпостные, въ свою очередь, любили добраго помѣщика. Впослѣдствіи Пугачев-

щина, оставившая по себѣ кровавые слѣды во многихъ дворянскихъ семьяхъ Екатерининской эпохи, не коснулась семьи Радищевыхъ, благодаря крестьянамъ, которые не указали полчищамъ самозванца убѣжища своего помѣщика и спрятали у себя нѣкоторыхъ изъ его дѣтей. Первые годы дѣтства А. Н. Радищева прошли въ саратовской деревнѣ его отца. Здѣсь началось и его ученіе, не отклонявшееся первоначально отъ обычнаго для того времени пути. Читать онъ выучился по часослову и псалтырю, а когда онъ достигъ шестилѣтняго возраста, къ нему былъ приглашенъ учитель-французъ. Громадный спросъ, существовавшій въ тогдашней Россіи на педагоговъ иностраннаго происхожденія, и низкія требованія, предъявлявшіяся къ нимъ необразованнымъ обществомъ, создали увѣковѣченный въ позднѣйшей сатирической литературѣ типъ случайнаго педагога, видѣвшаго въ учительской профессіи исключительно выгодное ремесло и бравшагося за нее безъ малѣйшаго о ней понятія. Подобный педагогъ достался и на долю Радищева. Первый его учитель оказался бѣглымъ солдатомъ и вскорѣ былъ удаленъ. Послѣ того отецъ отправилъ Радищева къ своему родственнику въ Москву, гдѣ онъ и воспитывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ наблюденіемъ опять таки француза-гувернера, который на родинѣ былъ совѣтникомъ руанскаго парламента, но бѣжалъ отъ преслѣдованій правительства Людовика XV и укрылся въ Россіи. Въ Москвѣ Радищевъ пользовался, сверхъ того, и уроками профессоровъ только что открытаго здѣсь университета, но всѣ эти уроки едва-ли могли идти далѣе усвоенія элементарныхъ свѣдѣній. Тринадцати лѣтъ отъ роду Радищевъ былъ уже переведенъ отцомъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ пажескій корпусъ, въ которомъ и пробылъ до 1766 года, дѣля свое время между учебными занятіями и дежурствами при дворѣ императрицы. Въ пажескомъ корпусѣ, который, подобно большинству русскихъ учебныхъ заведеній этой эпохи, обладалъ широкой и разносторонней программой, пло-

хо, однако, примѣнявшейся на практикѣ [1]). Радищевъ выдѣлился изъ среды товарищей своими блестящими способностями, но, надобно думать. не могъ пріобрѣсти особенно серьезныхъ познаній. Тѣмъ временемъ въ его судьбѣ готовился серьезный поворотъ. опредѣлившій собою не только дальнѣйшій ходъ его образованія, но и всю его послѣдующую жизнь. Екатерина II, въ эту пору своей жизни увлекавшаяся мыслью о широкихъ реформахъ, испытывала нужду въ образованныхъ чиновникахъ и, желая «получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ» [2]), вознамѣрилась для этой цѣли воспользоваться услугами заграничныхъ университетовъ. Для осуществленія плановъ императрицы въ 1766 году рѣшено было отправить въ Лейпцигскій университетъ на казенный счетъ двѣнадцать молодыхъ дворянъ, въ томъ числѣ шесть пажей, изъ наиболѣе способныхъ къ наукамъ. Въ число избранныхъ пажей попалъ и Радищевъ, и въ сентябрѣ 1766 года онъ уже выѣхалъ съ новыми своими товарищами за границу.

Такимъ образомъ, семнадцатилѣтнимъ юношей Радищевъ изъ классовъ пажескаго корпуса непосредственно перешелъ въ аудиторію нѣмецкаго университета, и мѣсто впечатлѣній отъ русскаго придворнаго быта въ его умѣ заняли наблюденія надъ западноевропейскою жизнью. При всей рѣзкости такого перехода его благотворное вліяніе не замедлило сказаться. Научныя занятія скоро сдѣлались

---

[1]) Согласно составленному академикомъ Миллеромъ плану, пажи должны были обучаться: русскому языку и каллиграфіи; математикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механикѣ; философіи, морали, естественному и народному праву; исторіи, географіи, генеалогіи и геральдикѣ; юриспруденціи, гражданскому и государственному праву и церемоніаламъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, СПБ 1889 т. I, сс. 543—4) Легко видѣть, что съ такимъ количествомъ предметовъ мудрено было основательно познакомить малолѣтнихъ учениковъ въ 4 года.

[2]) Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. X, 116.

господствующимъ интересомъ въ кружкѣ лейпцигскихъ стипендіатовъ. Главаремъ и руководителемъ кружка въ этомъ отношеніи явился старшій членъ его, Ѳ. В. Ушаковъ. Въ Россіи онъ занималъ уже видное мѣсто, обѣщавшее ему быструю служебную карьеру, но, когда рѣшена была посылка молодыхъ людей въ Лейпцигъ, онъ увлекся желаніемъ пополнить свое образованіе и исхлопоталъ себѣ назначеніе въ число отправлявшихся за границу дворянъ. Благодаря своему сравнительно болѣе зрѣлому возрасту и твердому характеру, Ушаковъ быстро пріобрѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей и, самъ со страстью отдаваясь наукѣ, поддерживалъ и во всемъ кружкѣ энтузіазмъ къ научнымъ занятіямъ. Плоды этого энтузіазма скоро стали замѣтны и постороннему глазу. Черезъ полтора года по прибытіи русскихъ студентовъ въ Лейпцигъ, русскій посланникъ въ Дрезденѣ сообщалъ объ ихъ успѣхахъ такіе отзывы: «всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ столь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются: особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ, старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей» [1]).

Ранѣе однако, чѣмъ русскіе студенты получили возможность свободно отдаться научнымъ занятіямъ и впечатлѣніямъ заграничной жизни, имъ пришлось пережить довольно серьезное испытаніе, длившееся немалое время. Порядокъ ихъ занятій и жизни въ Лейпцигѣ былъ опредѣленъ инструкціей, составленной самою Екатериной. Согласно этой инструкціи, студентамъ предписывалось «обучаться всѣмъ латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкамъ; всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи

¹) Сухомлиновъ, назв. соч., ст. 546—7.

праву». «Прочимъ наукамъ обучаться—продолжала инструкція—оставить всякому на произволеніе». На каждаго студента отпускалось изъ казны въ годъ 800 р.; изъ этой суммы, сверхъ расходовъ на содержаніе студентовъ, имъ должны были еще выдаваться карманныя деньги на мелкіе расходы. Позднѣе эта, довольно значительная по тогдашнему времени, сумма была еще повышена до 1,000 р. въ годъ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ студентовъ возлагался инструкціей на особаго инспектора, права котораго, въ свою очередь, точно опредѣлялись ею. «Если кто изъ дворянъ—гласилъ одинъ изъ параграфовъ инструкціи—явится въ поступкахъ неисправнымъ или въ ученіи нерадивымъ, того инспектору увѣщевать прежде наединѣ. А послѣ, если не исправится, выговаривать при всѣхъ дворянахъ; если же и симъ не удовольствуется, объявлять профессору». Наконецъ, если-бы и это средство не помогло, инспекторъ обязывался обратиться къ ближайшему русскому посланнику для отправленія виновнаго «при первомъ удобномъ случаѣ въ Россію, дабы втунѣ государственная казна не была на него трачена». Никакихъ же наказаній инспекторъ не могъ налагать на студентовъ [1]).

Дѣйствительность, ожидавшая русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, плохо согласовалась съ предписаніями инструкціи. Назначенный инспекторомъ или «гофмейстеромъ» молодыхъ дворянъ майоръ Бокумъ былъ человѣкъ грубый, до крайности корыстолюбивый и жестокій. Не довольствуясь своимъ жалованіемъ и подарками, которые онъ получалъ отъ родителей порученныхъ ему дворянъ, онъ удерживалъ еще въ свою пользу немалую часть казенныхъ денегъ, отпускавшихся на одежду, пищу и квартиру студентовъ. Благодаря этой своеобразной экономіи, послѣдніе помѣщались въ темныхъ, сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, вынуждены были иногда носить платье съ чужого плеча, порою даже голодали. Проѣзжавшій черезъ Лейп-

---

[1]) Сборникъ Русск. Истор: Общества. X. 107—111.

цигъ кабинетъ-курьеръ Яковлевъ сообщалъ позднѣе въ Россіи, что во время пребыванія его въ этомъ городѣ Бокумъ кормилъ студентовъ несвѣжей провизіей; Радищевъ въ это время «за болѣзнію, къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ—прибавлялъ Яковлевъ—въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ» [1]. На этой почвѣ между гофмейстеромъ и студентами скоро возникли рѣзкія столкновенія, еще осложнившіяся тѣмъ, что Бокумъ смотрѣлъ на молодыхъ людей, къ которымъ онъ былъ приставленъ, какъ на дѣтей, обязанныхъ во всемъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и вопреки инструкціи не стѣснялся примѣнять къ нимъ разнообразныя наказанія, не исключая и тѣлесныхъ. «Не зналъ нашъ путеводитель,—разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ Радищевъ,—что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть»[2]). Единичныя столкновенія перешли въ систематическую борьбу: студенты все чаще отказывали своему оффиціальному руководителю въ повинованіи, Бокумъ чаще и чаще прибѣгалъ къ унизительнымъ наказаніямъ непокорныхъ, сѣкъ ихъ розгами, билъ фухтелями и т. п. Не довольствуясь обычными видами наказаній, онъ самъ изобрѣлъ новую кару. Курьеръ Яковлевъ «видѣлъ выдуманную Бокумомъ клѣтку, въ которую намѣренъ онъ былъ запирать и сажать дворянъ въ такомъ тѣсномъ и переломномъ и тѣмъ самымъ здоровью ихъ опасномъ весьма положеніи, что въ ней ни стоять, ни сидѣть на остроконечныхъ перекладинахъ прямо не можно. И чтобъ хитрому

---

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 545.

[2]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева М. 1811. ч. V, с. 23.

вымыслу сему ничего не доставало, то похвалялся его высокоблагородіе клѣтку сію и въ оной заключеннаго, поднявъ на блокѣ, держать чрезъ опредѣляемое къ тому время повѣшанною на воздухѣ» [1]). Жалобы студентовъ, пытавшихся указать на то, «въ коль несчастную и горестную жизнь ввергнулъ ихъ г. маіоръ Бокумъ», частью перехватывались послѣднимъ, частью не находили себѣ вѣры у тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ были обращены, и лейпцигскіе стипендіаты оставались предоставленными самимъ себѣ въ этой неравной борьбѣ. Наконецъ, терпѣніе ихъ лопнуло, и однажды, когда Бокумъ оскорбилъ студента Насакина, послѣдній, подчиняясь единогласному рѣшенію товарищей, возвратилъ ему пощечину. Растерявшійся гофмейстеръ въ первую минуту поднялъ исторію, обвинилъ студентовъ въ покушеніи на его жизнь и посадилъ ихъ всѣхъ подъ арестъ. Они уже ждали крайне суровыхъ каръ по отношенію къ себѣ и задумывались даже надъ вопросомъ, не лучше-ли заблаговременно бѣжать изъ подъ ареста и, скрывшись изъ Лейпцига, навсегда отказаться отъ возвращенія въ отечество. Дѣло окончилосъ, однако же, тѣмъ, что студенты просидѣли нѣкоторое время подъ стражей, а затѣмъ были освобождены по приказанію русскаго посланника въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскаго, до свѣдѣнія котораго дошла вся эта исторія. Съ той поры по крайней мѣрѣ, старшіе студенты освободились, если не отъ экономическихъ поползновеній Бокума, то хотя отъ его назойливой опеки: «онъ рачилъ о своемъ карманѣ,—разсказываетъ Радищевъ,—а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два» [2]).

Въ Россію свѣдѣнія объ обращеніи Бокума съ посланными въ Лейпцигъ дворянами и о налагаемыхъ на нихъ наказаніяхъ дошло поздно—лишь въ концѣ 1770 года. Когда такія свѣдѣнія были получены, изъ императорскаго

[1]) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 123.

[2]) Собраніе сочиненій А. Н. Радищева, ч. V, с. 55.

Кабинета отправлено было къ Бокуму длинное посланіе. Въ Кабинетѣ, говорилось здѣсь, «усмотрѣно не только съ несказаннымъ удивленіемъ, но и съ крайнимъ ужасомъ, что точно въ противность высочайшей ея и. в—ва волѣ имѣли вы неслыханное дерзновеніе неоднократно наказывать на тѣлѣ гг. Зиновьева и Олсуфьевыхъ. Вѣдать вамъ надлежало, что не только всякія тѣлесныя наказанія, но и въ выговорахъ всякая суровость, гнѣвъ и брань,—какъ средства, благоразумному и пристойному воспитанію, каковымъ по намѣренію своему всемилостивѣйше жалуетъ ея и. в—во отправленныхъ для того въ Лейпцигъ дворянъ, совсѣмъ безчестныя, непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя,—изъ данной вамъ инструкціи... вовсе исключены». «Какою властію и по чьему дозволенію—спрашивалъ Кабинетъ—осмѣлилися вы попустить себя на такую преподлую и прегнусную дерзость, подвергающую россійское дворянство явному безславію, въ самихъ же дворянахъ не иное что, какъ уныніе и подлость духа, произвести могущую? Не варварство-ли это и тиранство? При такихъ подлыхъ съ благородными людьми поступкахъ возможно-ли надѣяться, что вкоренены будутъ въ нѣжныхъ сердцахъ ихъ человѣколюбіе, добронравіе и истинное любочестіе? Да и вы сами можете-ли чаять пріобрѣсть чрезъ такое звѣрское воспитаніе любовь ихъ къ себѣ, дружескую довѣренность и почтеніе, къ чему, однако жь, всѣ старанія ваши устремить вы обязаны?.. Вѣчно стыдиться вамъ и продерзость толикую оплакивать должно». На будущее время Бокуму строго предписывалось, если бы онъ по усвоенной отъ собственнаго воспитанія привычкѣ даже своихъ дѣтей задумалъ исправлять «по обычаю подлаго народа, побоями, суровостью, крикомъ и бранью», «и въ томъ случаѣ чинить сіе съ такою предосторожностью, въ такое время и въ такомъ уединеніи, чтобъ никто изъ дворянъ россійскихъ сихъ гнусностей никогда не видалъ и объ нихъ не вѣдалъ». Въ заключеніе Кабинетъ настоятельно требовалъ, «чтобъ всякая

лютость въ нравахъ, неучтивость, свирѣпость и непристойность всемѣрно отъ глазъ и ушей дворянъ россійскихъ оставались сокровенны» [1]). Слухи, разошедшіеся по Петербургу о насиліяхъ Бокума надъ русскими юношами, и сѣтованія нѣкоторыхъ родителей, что ихъ сыновья частыми побоями «въ такую уже приведены подлую нечувствительность, что сего почти ни во что вмѣнять начинаютъ» [2]), видимо, раздражали, однако, Екатерину. 15 января 1771 г. она обратилась къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну съ запискою такого содержанія: «Князь Александръ Михайловичъ! Извольте объявить тѣмъ отцамъ и матерямъ, кои почитаютъ, что дѣти ихъ въ Лейпцигѣ отъ Бокума столь много претерпѣваютъ, что въ ихъ волѣ состоитъ ихъ оттуда отозвать, ибо я рушить намѣрена все тамошнее мною сдѣланное учрежденіе для того, что много отъ него безпокойства, нежели пользы: я трачу пятнадцать тысячъ, а принимаю негодованіе. Если есть такіе отцы, кои дѣтей своихъ хотятъ оставить на теперешнемъ основаніи, то прошу мнѣ сказать». Но нѣсколькими днями раньше императрица тому же вице-канцлеру поручала «отписать къ кн. Бѣлосельскому, чтобъ онъ послалъ въ Лейпцигъ г. Бокуму сказать, что я съ крайнимъ неудовольствіемъ слышу, что онъ осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочьемъ, шпагою и розгами ему отъ меня повѣренныхъ дворянъ, и что чрезъ то одно видно, что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому приставленъ, ибо, если-бъ умѣлъ съ ними обходиться, то бы не нужно было къ такимъ суровымъ приступить средствамъ; что я ему запрещаю вновь осмѣлиться кого бить» [3]).

---

[1]) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 119—21.

[2]) Тамъ же, 123.

[3]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ; въ обѣихъ запискахъ имп. Екатерины мною не воспроизведена ороографія подлинника. Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь живѣйшую благодарность В. И. Семевскому, дружески сообщившему мнѣ собранные имъ рукописные матеріалы, касающіеся Радищева.

Исполняя порученіе императрицы, кн. Голицынъ 7 янв. 1771 г. написалъ кн. Бѣлосельскому въ Дрезденъ, поручая ему черезъ вѣрнаго человѣка провѣрить справедливость слуховъ объ обращеніи Бокума съ порученными его надзору дворянами и въ томъ случаѣ, если эти слухи подтвердятся, объявить Бокуму повелѣніе Императрицы, но такъ, «чтобъ наша маладежа о томъ не свѣдома была» [1]). Тайною, которая должна была облекать выговоръ, разсчитывали, очевидно, спасти авторитетъ воспитателя въ глазахъ его воспитанниковъ. Но, не говоря уже о томъ, что въ сознаніи послѣднихъ авторитетъ Бокума давно и безвозвратно исчезъ, и правительству не удалось удержаться на той позиціи, которую оно заняло было относительно Бокума. Слѣдствіе, произведенное кн. Бѣлосельскимъ, выяснило не только суровость дисциплинарныхъ мѣръ, принимавшихся Бокумомъ, но и его казнокрадство; и въ результатѣ этого слѣдствія строгій майоръ потерялъ свою должность [2]). Но это случилось уже тогда, когда старшіе изъ лейпцигскихъ стипендіатовъ, и въ томъ числѣ Радищевъ, оканчивали курсъ своего ученія. Такимъ образомъ, поскольку имъ удалось добиться смягченія суроваго въ началѣ режима своего «гофмейстера» и сломить его произволъ, это было достигнуто болѣе ихъ собственными усиліями, нежели распоряженіями правительства.

Вся эта исторія борьбы съ Бокумомъ заняла видное мѣсто въ Лейпцигскихъ впечатлѣніяхъ юноши-Радищева. Не даромъ впослѣдствіи, достигнувъ уже зрѣлаго возраста, онъ такъ хорошо помнилъ всѣ детали этой исторіи и такъ подробно описывалъ ее въ составленномъ имъ «Житіи Ѳ. В. Ушакова». Въ столкновеніяхъ съ мелочнымъ деспотизмомъ Бокума Радищевъ и его товарищи впервые научились сознавать чувство личнаго достоинства и от-

---

[1]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ; письмо кн. Голицына было исправлено имп. Екатериной и поставленныя въ кавычкахъ слова внесены ею.

[2]) Сборникъ Р. Ист. Общ., X, 126—8.

стаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые прониклись сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство. Эти же столкновенія, уравнивавшія всѣхъ членовъ студенческаго кружка и объединявшія ихъ въ одномъ и томъ же чувствѣ, завязали между ними первыя узы взаимнаго общенія. Разъ установившись, такое общеніе и обусловленное имъ единство стремленій кружка не исчезли и тогда, когда первоначальный поводъ къ нимъ былъ устраненъ, и студентамъ удалось до нѣкоторой степени оградить себя отъ насильственной опеки со стороны Бокума. Къ этому времени нашлась новая и болѣе серьезная почва для общенія членовъ кружка въ совмѣстныхъ занятіяхъ наукой, которымъ они и отдались съ пламеннымъ увлеченіемъ.

Для такого увлеченія было немало поводовъ въ той обстановкѣ, какая окружала юныхъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Уже однѣ университетскія лекціи сами по себѣ открывали имъ доступъ въ міръ научнаго знанія, мало похожій на тѣ традиціонныя, на половину дѣтскія, на половину невѣжественныя представленія, какими снабдило ихъ предшествовавшее воспитаніе. Наивное міросозерцаніе, основанное на этихъ представленіяхъ, рушилось тѣмъ скорѣе, что къ вліянію нѣмецкой университетской науки, не вполнѣ еще сбросившей съ себя схоластическую одежду, присоединилось еще болѣе глубокое вліяніе французской литературы. «Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе,—замѣчалъ впослѣдствіи Радищевъ, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни,—любятъ метафизику; съ другой же стороны, всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ» [1]). Въ исторіи европейской литературы немного можно насчитать моментовъ, когда она давала бы такой полный и сочувственный откликъ на эти инстинктивныя стремленія юности къ сво-

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 26.

бодѣ и къ свѣту обобщеннаго знанія, какъ это было во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Французская философская и политическая литература этого вѣка съ ея рѣшительными отвѣтами на важнѣйшіе вопросы мірозданія, съ ея страстною проповѣдью господства разума и правъ человѣка какъ нельзя болѣе способна была разбудить молодой умъ и взволновать неокрѣпшее чувство. Живя въ Лейпцигѣ, русскіе студенты не могли избѣжать знакомства съ этой литературой, вліяніе которой широко распространилось по всей тогдашней Европѣ, и толчокъ къ такому знакомству, дѣйствительно, не заставилъ себя ждать. Одинъ изъ проѣзжавшихъ черезъ Лейпцигъ русскихъ, разсказываетъ Радищевъ, «возбудилъ во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу Гельвеціеву о Разумѣ... По его совѣту мы читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научалися» [1]). Отъ Гельвеція русскіе студенты перешли къ другимъ корифеямъ современной имъ французской литературы и послѣ философскаго радикализма ихъ вниманіе поглотили идеи политическаго демократизма, главными представителями котораго являлись Мабли и Руссо. Изученіе произведеній этихъ послѣднихъ писателей, раскрывшихъ передъ мыслью своихъ русскихъ читателей новые горизонты, произвело на Радищева и его товарищей неизгладимое впечатлѣніе. Сочиненія Мабли представлялись имъ верхомъ совершенства. Когда проф. Бёме объявилъ въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ о публичномъ правѣ Европы, трое изъ русскихъ студентовъ, и въ числѣ ихъ Радищевъ, предпочли слушанію этого курса чтеніе книги Мабли «Droit public de l'Europe fondé sur les traités», будучи, по ихъ словамъ, увѣрены, что «образцовое, по мнѣнію всего свѣта, произведеніе Мабли, конечно, содержитъ въ себѣ болѣе поучительнаго, нежели какія бы то ни было лекціи» [2]).

[1]) Тамъ же, 60—61.

[2]) Сухомлиновъ, назв. соч., 549—50.

Было бы ошибочно видѣть въ этомъ отзывѣ, не лишенномъ доли наивной заносчивости неофита, свидѣтельство умственной лѣни или слѣпого фанатизма его авторовъ. Умственное возбужденіе, испытанное русскими студентами при встрѣчѣ съ философскою мыслью Запада, въ большинствѣ изъ нихъ вызвало жажду серьезнаго знанія, и они съ удвоенной энергіей набросились на занятія, торопясь удовлетворить эту жажду и захватить все наиболѣе цѣнное изъ раскрытой передъ ними сокровищницы науки. Старшій изъ членовъ студенческаго кружка, Ѳ. В. Ушаковъ, неумѣренными занятіями въ конецъ расшаталъ даже свое и безъ того уже разстроенное здоровье и довелъ себя до преждевременной смерти въ Лейпцигѣ. Радищевъ, также далеко не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, за время своего пребыванія въ Лейпцигѣ, помимо главнаго предмета своихъ занятій, заключавшагося въ юридическихъ наукахъ, усовершенствовалъ свои познанія въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, много занимался естественными науками, въ особенности же химіей, и настолько изучилъ медицину, что могъ выдержать экзаменъ на врача. Широко раздвигая кругъ своихъ научныхъ интересовъ, Радищевъ и въ области общихъ философскихъ взглядовъ не ограничился изученіемъ лишь той системы, которая дала ему первый серьезный толчокъ къ самостоятельной умственной работѣ. Въ нашей литературѣ за нимъ съ давнихъ поръ прочно укрѣпилась репутація безусловнаго послѣдователя французскихъ философовъ матеріалистовъ, и въ частности Гельвеція, основанная въ сущности лишь на приведенныхъ выше словахъ самого Радищева, что онъ учился мыслить по книгѣ Гельвеція. Но въ дѣйствительности изученіе книги Гельвеція было для Радищева лишь первымъ сознательнымъ шагомъ въ область философскихъ вопросовъ и на немъ онъ не остановился, какъ не ограничился и знакомствомъ съ французской философской литературой. Лекціи лейпцигскаго профессора Платнера, слѣдовавшаго въ своемъ кур-

сѣ философіи воззрѣніямъ Лейбница, ознакомили его съ системою знаменитаго нѣмецкаго мыслителя, и подъ вліяніемъ этихъ лекцій Радищевъ принялся за внимательное изученіе взглядовъ Лейбница. Двадцать лѣтъ спустя, Платнеръ въ разговорѣ съ Карамзинымъ вспоминалъ о Радищевѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ способныхъ русскихъ учениковъ своихъ [1]).

Эта разносторонняя и богатая результатами умственная дѣятельность сопровождалась сильнымъ подъемомъ нравственнаго чувства. Входя въ соприкосновеніе съ жизнью Запада и воспринимая плоды существовавшаго въ ней идейнаго движенія, поскольку они выразились въ университетской наукѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ. Радищевъ и его товарищи искали и находили въ нихъ не только теоротическую истину, но и этическій идеалъ. Основныя черты этого идеала стояли въ тѣсной и непосредственной связи съ высокимъ понятіемъ о значеніи человѣческаго разума, опредѣляющаго собою всю жизнь. «Помни,—говорилъ Радищеву умирающій Ушаковъ,—что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно» [2]). Каковы бы ни были эти дающія блаженство въ жизни «правила», они являлись уже результатомъ самостоятельной работы мысли, а не рабскаго слѣдованія традиціи. При этомъ смыслъ тѣхъ нравственныхъ уроковъ, какіе могли быть извлечены и извлекались въ дѣйствительности изъ основныхъ идей умственнаго движенія XVIII столѣтія, не ограничивался въ сознаніи русскихъ наблюдателей этого движенія узкими рамками ихъ личной жизни. Глубоко космополитическая по существу своему, французская литература XVIII вѣка умѣла силою выставляемыхъ ею общихъ идеаловъ зажигать въ сердцахъ искреннихъ своихъ адептовъ горячую любовь къ ро-

[1]) Карамзинъ. Письма русскаго путешественника.

[2]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 80.

динѣ, любовь, чуждую всякаго шовинизма и тѣмъ самымъ наиболѣе плодотворную. Русскіе студенты во время пребыванія своего за границей забыли нѣсколько даже русскій языкъ и должны были подучиваться ему по возвращеніи, но Россіи они не забыли. Много лѣтъ спустя послѣ возвращенія на родину, Радищевъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ вспоминалъ тотъ доходившій до изступленія восторгъ, съ которымъ онъ и его товарищи «узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую» [1]).

Пробывъ пять лѣтъ въ Лейпцигѣ, Радищевъ возвратился въ Россію позднею осенью 1771 г. [2]). Онъ уѣхалъ юношей и вернулся вполнѣ сложившимся человѣкомъ, усвоившимъ себѣ европейское просвѣщеніе, обогащеннымъ познаніями и готовымъ отдать ихъ на службу родинѣ. Но отъ того, что онъ засталъ въ отечествѣ, на него повѣяло разочарованіемъ. Разсказывая впослѣдствіи о своемъ энтузіазмѣ при возвращеніи на родину, Радищевъ прибавлялъ: «послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами!—замѣчалъ онъ—колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, колико кратно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, не рѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою» [3]). И онъ имѣлъ основаніе для этихъ горькихъ сѣтованій. За годы, проведенные Радищевымъ въ аудиторіяхъ Лейпцигскаго университета, неясный вначалѣ характеръ правленія Екатерины II успѣлъ окончательно опредѣлиться. Ко времени

---

[1]) Тамъ же, 51.

[2]) Онъ выѣхалъ изъ Лейпцига не ранѣе 22 октября и пріѣхалъ въ Петербургъ не позже 25 ноября 1771 г. См. Сборникъ Р. Ист. Общ., X. 129 и Р. Архивъ, 1870 г., № 4—5, стр. 946—7. Болѣе подробное описаніе учебныхъ лѣтъ Радищева см. въ появившейся недавно статьѣ В. Е. Якушкина („Учебные годы А. Н. Радищева“ въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки“, М. 1902, сс. 135—203), основанной, впрочемъ, исключительно на печатномъ матеріалѣ и не дающей чего-либо новаго.

[3]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 51.

пріѣзда изъ Лейпцига первыхъ студентовъ, нѣкогда отправленныхъ туда императрицею, она уже забыла высказанное ею въ Наказѣ намѣреніе поставить Россію на высшую ступень процвѣтанія путемъ установленія въ ней справедливости и избрала для своей государственной дѣятельности другіе пути. Главною своею цѣлью ея правительство поставило внѣшнія завоеванія, а во внутренней его дѣятельности планы реформъ, направленныхъ къ установленію законности въ управленіи и равенства гражданъ, уступили свое мѣсто заботамъ объ упроченіи господства дворянскаго класса въ соціальной жизни страны путемъ сокращенія и безъ того ничтожныхъ правъ массы крѣпостного крестьянства. Въ рамки такой дѣятельности плохо укладывались идеи Мабли и Руссо, и ученикъ этихъ мыслителей скоро долженъ былъ сознать это и испытать холодъ разочарованія. Но хотя сознаніе глубокаго разлада этихъ идей съ русскою дѣйствительностью и охладило нѣсколько юношескій энтузіазмъ Радищева, оно не заставило его ни измѣнить своихъ взглядовъ, ни впасть въ индифферентизмъ. Внѣшній обликъ его жизни въ Петербургѣ мало отличался, правда, отъ порядковъ жизни большинства того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Не располагая такимъ состояніемъ, которое давало бы ему полную матеріальную независимость, онъ добывалъ себѣ средства къ жизни путемъ государственной службы. Сперва онъ поступилъ протоколистомъ въ сенатъ, затѣмъ перешелъ въ штабъ командовавшаго въ Петербургѣ генералъ-аншефа Брюса, но въ 1775 г. вышелъ въ отставку. Черезъ три года однако онъ вновь вступилъ на службу, на этотъ разъ въ коммерцъ-коллегію; отсюда онъ перешелъ черезъ десять лѣтъ въ петербургскую таможню и въ ней быстро дослужился до должности управляющаго. Служба далеко не заполняла однако всего времени Радищева. Живя въ Петербургѣ, онъ не порывалъ однажды завязанныхъ связей съ европейскимъ просвѣщеніемъ, много читалъ и составилъ себѣ хо-

рошую библіотеку. Понемногу онъ и самъ сталъ браться за перо и пытать свои силы въ литературной работѣ, причемъ въ его рукахъ эта работа неизмѣнно принимала характеръ пропаганды его идей, и писательское перо становилось орудіемъ проведенія въ жизнь общества завѣтныхъ мыслей самого писателя.

Первый литературный трудъ Радищева имѣлъ полуоффиціальное происхожденіе. Екатерина II въ своихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи учредила, между прочимъ, общество для перевода замѣчательныхъ литературныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій, причемъ средства на изданіе этихъ переводовъ ассигновались изъ собственной шкатулки государыни. Къ участію въ работахъ этого общества былъ приглашенъ и Радищевъ, и на его долю достался переводъ книги Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce». Радищевъ не только перевелъ эту книгу, но и снабдилъ переводъ своими примѣчаніями, съ которыми онъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1773 году. Въ этихъ примѣчаніяхъ ихъ авторъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи естественнаго права и идеи народнаго суверенитета. «Самодержавство—говоритъ онъ, переводя этимъ терминомъ слово despotisme и поясняя его значеніе,—есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ

преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества [1]». Такимъ образомъ въ книгѣ, изданной на средства императрицы, проводилась мысль объ отвѣтственности верховной власти передъ народомъ и объ ограниченности ея полномочій. Екатерина II не раздѣляла этихъ идей, но и не усматривала еще въ нихъ никакой опасности для прочности государственнаго порядка.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Радищева совершалась съ большими перерывами. Существуетъ преданіе, что онъ принималъ участіе въ Новиковскомъ «Живописцѣ». Преданіе это не подтверждается никакими современными доказательствами, но его можно считать довольно вѣроятнымъ въ виду того, что письма о положеніи крестьянъ, помѣщенныя въ этомъ сатирическомъ журналѣ, и по высказаннымъ въ нихъ мнѣніямъ, и по своей писательской манерѣ сильно напоминаютъ Радищева [2]). Во всякомъ случаѣ участіе его въ Новиковскомъ журналѣ не могло быть очень значительно, и если даже оно существовало въ дѣйствительности, то послѣ того Радищевъ надолго замолкъ въ литературѣ. Вновь выступилъ онъ на литературномъ поприщѣ лишь въ 1789 году. Тогда какъ позднѣйшіе русскіе источники приписываютъ издававшійся въ этомъ году сатирическій журналъ «Почта Духовъ» Крылову, хорошо освѣдомленный современникъ—иностранецъ (Массонъ) называетъ его издателемъ Ради-

---

[1]) Размышленіе о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де-Мабли СПБ. 1773 г. сс. 126—7.

[2]) Иного мнѣнія держится въ этомъ вопросѣ П. А. Ефремовъ, отрицающій принадлежность названныхъ писемъ Радищеву въ виду того, что послѣдній молчалъ объ нихъ на допросѣ 1790 г. („Живописецъ Н. И. Новикова", изд. 7-е СПБ. 1864, сс. 320—1 и 346—7). Трудно признать такой аргументъ вполнѣ убѣдительнымъ. На допросахъ Шешковскаго Радищевъ указывалъ, правда, литературные источники своего „Путешествія", тѣмъ самымъ, можетъ быть, расчитывая уменьшить его знаніе, но едва-ли онъ имѣлъ основанія вскрывать прежнюю свою литературную дѣятельность, остававшуюся неизвѣстною слѣдователю.

щева [1]) и можно, дѣйствительно, съ большою вѣроятностью предполагать, что послѣднему принадлежитъ значительная и при томъ наиболѣе рѣзкая часть этого журнала, отличавшагося, къ слову сказать, серьезнымъ общественнымъ характеромъ своей сатиры [2]). Въ томъ же 1789 г. Радищевъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, содержавшую въ себѣ біографію Ушакова съ присоединеніемъ оставшихся послѣ него сочиненій и озаглавленную «Житіе Ѳ. В. Ушакова». Въ этой книжкѣ Радищевъ особенно подробно разсказываетъ о жизни Ушакова въ Лейпцигѣ, выясняя значеніе своего покойнаго друга въ русскомъ студенческомъ кружкѣ и характеризуя направленіе умственныхъ интересовъ послѣдняго, благодаря чему весь этотъ трудъ пріобрѣтаетъ автобіографическое значеніе. Очевидно, мысль писателя охотно уходила отъ текущаго дня въ далекое прошлое, съ любовью возстановляя его черты и упиваясь воспоминаніями о смѣлыхъ надеждахъ и пылкихъ мечтахъ юности. Въ противоположность этому прошлому переживаемое настоящее, какъ можно судить по нѣсколькимъ намекамъ, разсѣяннымъ въ книгѣ, внушало ея автору настроеніе, далекое отъ жизнерадостности. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ заключеніе книги. Радищевъ разсказываетъ въ немъ, какъ Ушаковъ въ тяжелыхъ предсмертныхъ мученіяхъ, зная уже о неизбѣжности своей смерти, просилъ своего товарища и друга А. М. Кутузова, дать ему яду. Кутузовъ, посовѣтовавшись съ Радищевымъ, не исполнилъ этой просьбы. Теперь такое рѣшеніе представлялось Радищеву неправильнымъ: самоубійство является въ его глазахъ естественнымъ исходомъ, разъ жизнь обратилась въ мученіе. Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга,—обращается онъ къ Кутузову,— если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, любезнѣйшій мой: ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнью гну-

[1]) Mémoires secrets sur la Russie, t. pp. 188—9.

[2]) Пыпинъ, „Крыловъ и Радищевъ". Вѣстникъ Европы, 1868 г. № 5.

шающемуся и ее возненавидѣвшему» [1]). Но мрачное настроеніе, вылившееся въ этомъ воззваніи къ другу, не мѣшало во всякомъ случаѣ Радищеву дѣятельно работать. Онъ началъ было писать исторію сената, но затѣмъ уничтожилъ написанное. Историческое изслѣдованіе, повидимому, мало удовлетворяло его умъ, занятый по преимуществу анализомъ современной дѣйствительности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ дальнѣйшія его работы приняли чисто публицистическій характеръ. Воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ, дававшимъ право всякому желающему печатать книги съ разрѣшенія управы благочинія, онъ завелъ у себя домашнюю типографію, въ которой работали его крѣпостные. Въ 1790 г. изъ этой типографіи вышла брошюра носившая заглавіе «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ». Въ ней Радищевъ разсказывалъ объ открытіи въ Петербургѣ памятника Петру I, пересыпая свой разсказъ размышленіями о существѣ и назначеніи верховной власти. Но это «Письмо» было только первой пробой. За нимъ въ томъ же году послѣдовала большая книга, которая занимала вниманіе Радищева въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и окончательный толчокъ къ написанію которой дало ему «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Свой новый трудъ Радищевъ посвятилъ Кутузову, скрывъ его имя подъ буквами А. М. К. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», какъ называлась эта книга Радищева, напечатанная имъ въ своей типографіи безъ имени автора, вышло въ свѣтъ съ разрѣшенія петербургскаго полицеймейстера Рылѣева и въ концѣ іюня 1790 года появилось въ продажѣ. Публика стала быстро раскупать его, но уже черезъ нѣсколько дней «Путешествіе» исчезло отъ продажи. На этой книгѣ, имѣвшей такое кратковременное существованіе и составившей несчастье и славу Радищева, намъ предстоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

---

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V. 84.

II.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» носитъ на себѣ явственные слѣды подражанія литературной манерѣ Стерна. Вся книга написана въ формѣ дорожныхъ замѣтокъ, составленныхъ на пути между двумя русскими столицами, причемъ отдѣльныя ея главы названы именами почтовыхъ станцій, лежащихъ на этомъ пути. Никакой другой внѣшней связи между различными частями этихъ замѣтокъ не существуетъ, какъ не существуетъ въ нихъ и единства формы изложенія, отличающейся, напротивъ, полной свободой: описанія дорожныхъ приключеній и встрѣчъ смѣняются размышленіями и воспоминаніями самого автора, а послѣднія, въ свою очередь уступаютъ мѣсто историческимъ этюдамъ, либо передачѣ содержанія найденныхъ на дорогѣ бумагъ Но подражаніе иностранному образцу не идетъ въ книгѣ далѣе внѣшней манеры изложенія, въ выборѣ же и расположеніи своего матеріала русскій авторъ остался совершенно самостоятельнымъ. Матеріалъ, внесенный имъ въ свою книгу, является опять-таки крайне разнообразнымъ и на первый взглядъ даже поражаетъ своею пестротою и кажущеюся безпорядочностью. Широко пользуясь преимуществами избранной имъ литературной формы, Радищевъ затрогиваетъ самые различные и, казалось бы, отдаленные другъ отъ друга вопросы семейнаго, общественнаго и государственнаго быта, постоянно переходя отъ частныхъ случаевъ русской дѣйствительности къ общимъ размышленіямъ и съ высотъ теоріи вновь возвращаясь къ мелочамъ жизни. При этомъ онъ не скупится на лирическіе отступленія во вкусѣ только что начинавшаго тогда входить въ моду сентиментализма, а въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ многое прямо заимствуетъ у излюбленныхъ имъ иностранныхъ писателей, по преимуществу у Руссо, Мабли и Рейналя. Послѣднее обстоятельство неоднократно давало поводъ строгимъ критикамъ книги Радищева признавать всю ея теоретическую

часть простымъ заимствованіемъ, причемъ источникомъ, изъ котораго было совершено такое заимствованіе, часто считали произведенія французскихъ матеріалистовъ. Даже такой компетентный и осторожный историкъ литературы, какъ покойный Сухомлиновъ, нашелъ возможнымъ утверждать, что «въ книгѣ Радищева рѣзко отличаются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны—заимствованное, чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой—свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта», причемъ «между своимъ и чужимъ нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другого теченія» [1]). Внимательное изученіе книги Радищева не позволяетъ однакоже согласиться съ подобными отзывами объ ней. При такомъ изученіи за внѣшнею пестротою содержанія «Путешествія» не трудно разглядѣть въ немъ внутренній порядокъ и гармонію, подчиняющую отдѣльныя части книги общей ея задачѣ. Многочисленныя литературныя заимствованія Радищева не даютъ еще права считать его ни слѣпымъ рабомъ какого-либо авторитета, ни трудолюбивой пчелой, безъ разбора слѣпляющей въ одно цѣлое части различныхъ доктринъ. Не выступая въ «Путешествіи» самостоятельнымъ мыслителемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, Ради-

---

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 556. Въ частности по поводу „Философской и политической исторіи европейскихъ колоній и европейской торговли въ обѣихъ Индіяхъ“ аббата Рейналя Сухомлиновъ замѣчаетъ: „подражаніе слогу Рейналя, котораго французскіе критики называютъ не иначе, какъ „le declamateur Raynal“, развило въ нашемъ авторѣ наклонность къ фразерству, къ риторическимъ украшеніямъ и многословію“ (тамъ же, с. 554). Съ этимъ строгимъ отзывомъ русскаго ученаго, замѣтившаго у Рейналя только напыщенный слогъ, любопытно сопоставить мнѣніе англійскаго ученаго. „У XVIII столѣтія—говоритъ Морлей—была положительная сторона, которая имѣла по меньшей мѣрѣ столь же важное значеніе, какъ и его отрицательная сторона... Писатели того времени... были воодушевлены стремленіемъ къ политической справедливости, къ гуманности, къ введенію лучшаго и болѣе однообразнаго для всѣхъ законодательства и къ

щевъ пытается однако на фундаментѣ извѣстныхъ ему философскихъ и политическихъ теорій воздвигнуть зданіе болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія, и, принимая во вниманіе историческія условія, нельзя отрицать за этимъ міросозерцаніемъ ни продуманности, ни извѣстной стройности. Равнымъ образомъ странно отрицать и существованіе тѣсной связи между основными идеями этого міросозерцанія и тѣмъ изображеніемъ, какое получила русская дѣйствительность въ книгѣ Радищева. Но для ближайшаго опредѣленія этой связи необходимо обратиться къ самому содержанію «Путешествія» и возстановить, хотя бы въ наиболѣе общихъ чертахъ, важнѣйшія воззрѣнія его автора и характеръ наблюденій. сдѣланныхъ имъ надъ русскою жизнью.

Собирая въ одно цѣлое отдѣльныя замѣчанія, разсѣянныя на различныхъ страницахъ «Путешествія», не трудно составить опредѣленное представленіе объ общихъ взглядахъ Радищева. Въ своей книгѣ онъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ мистицизма. По его мнѣнію, усиленіе и распространеніе мистицизма является вѣрнымъ признакомъ упадка человѣчества и соотвѣтственно этому Радищевъ и къ современнымъ ему мистикамъ—мартинистамъ относился враждебно и насмѣшливо [1]). Но, отстаи-

улучшенію участи каждаго,- такимъ стремленіемъ, которое никогда не было превзойдено ни въ своей стойкости. ни въ своей искренности, ни въ своемъ безкорыстіи. А произведеніе Рейналя въ цѣломъ было едва-ли не самой сильной и самой выдержанной изъ всѣхъ литературныхъ формъ, въ которыхъ выразились великія соціальныя идеи того вѣка. Въ немъ вовсе не было того страннаго и сосредоточеннаго пламени, которое пылало на страницахъ „Общественнаго Договора"; за то оно было полно движенія, реальности, живыхъ и живописныхъ повѣствованій. Оно было доступно для пониманія каждаго и оно было конкретно. Рейналовская „Исторія" затрогивала прямо за сердце многихъ изъ числа тѣхъ читателей, которымъ аргументы Руссо казались несовсѣмъ понятными и наводящими уныніе". Морлей, Дидро и энциклопедисты, р. переводъ Невѣдомскаго, М. 1882, сс. 406—7.

[1]) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, сс. 92—8.

вая права разума и отказываясь подчинить его въ области познанія чувству, Радищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ не примкнулъ и къ главнымъ выводамъ философіи матеріализма. По своимъ религіознымъ воззрѣніямъ онъ являлся послѣдовательнымъ деистомъ. «Не могу повѣрить, о Всесильный, говоритъ онъ въ своей книгѣ,—чтобы человѣкъ мольбу сердца своего возсылалъ къ другому какому-либо существу, а не къ тебѣ... Если смертный въ заблужденіи своемъ странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его, однако же, стремится къ тебѣ, предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ, Егова, Юпитеръ, Брама: Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Авреліа, Богъ христіанъ, о богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ поклоняемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля тебя паче нашего пѣснопѣнія» [1]).

Деизмъ не былъ уже во времена Радищева совершенною новостью на русской почвѣ. Деистомъ являлся въ своихъ произведеніяхъ и другой видный публицистъ этой поры, кн. Щербатовъ, но для него вопросъ о положеніи религіи въ государствѣ опредѣлялся по преимуществу соображеніями государственнаго порядка. Для Радищева послѣднихъ въ области религіозныхъ вопросовъ не существовало. Исходя изъ понятія о правахъ отдѣльной личности, онъ ставилъ вопросъ о свободѣ религіознаго мышленія гораздо шире и рѣшалъ его гораздо послѣдовательнѣе, нежели допускалъ это самъ его учитель, Руссо. Высказываясь за полную и безусловную свободу мысли въ области религіи, авторъ «Путешествія» полагалъ, что слѣдуетъ

---

[1]) Тамъ же, 115—117.

«дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится». Не существовало для него и особыхъ религіозныхъ преступленій, такъ что самое преслѣдованіе за богохульство представлялось ему совершенно невозможнымъ: «если думаешь,—говорилъ онъ, становясь на точку зрѣнія воображаемаго противника,—что хуленіемъ Всевышній оскорбится,—урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ»? Свобода мысли, не стѣсняемая никакими внѣшними рамками, вообще составляетъ въ глазахъ Радищева необходимое благо. Для борьбы съ предразсудками и суевѣріемъ онъ знаетъ лишь одно дѣйствительное средство, заключающееся въ свободѣ устнаго и печатнаго слова. Согласно этому воззрѣнію, цензура можетъ существовать лишь какъ средство защиты авторитета, въ самомъ существѣ своемъ несостоятельнаго, и Радищевъ, обстоятельно доказывая такой порядокъ возникновенія цензуры, ссылками на Екатерининскій Наказъ доказываетъ необходимость ея уничтоженія. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ,—разсуждаетъ онъ.—Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія. Се правила Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати—всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза, польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина» [1]).

Но мы зашли уже въ область вопросовъ общественнаго и государственнаго быта. Вернемся еще назадъ, ко взглядамъ писателя на человѣка и его природу. Радищевъ

---

[1]) Тамъ же, 297, 296, 294—5.

вполнѣ сознательно усвоилъ себѣ основную идею Руссо о благѣ, лежащемъ въ основѣ нравственной природы человѣка, и развилъ изъ нея рядъ общихъ положенiй, не впадая при томъ въ неосторожныя крайности женевскаго философа. Нравственное существо человѣка покоится на страстяхъ, говоритъ авторъ «Путешествiя» устами дворянина, встрѣченнаго имъ въ Крестцахъ. «Корень страстей благъ», такъ какъ онѣ основаны на природѣ нашихъ чувствъ и могутъ ослабѣвать лишь съ ослабленiемъ чувствъ, а, слѣдовательно, и самой жизни въ человѣкѣ. Поэтому полное подавленiе страстей не можетъ служить идеаломъ: «совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый». Если «чрезвычайность въ страсти есть гибель», то «безстрастiе есть нравственная смерть», и истинное благо представляетъ лишь «умѣренность въ страсти», дѣлающая человѣка господиномъ его духовной жизни. На почвѣ этихъ общихъ представленiй о правахъ личности и нравственной природѣ человѣка у Радищева возникаетъ опредѣленный идеалъ семейной жизни и воспитанiя. Семейный союзъ, какъ между супругами, такъ и между родителями и дѣтьми, можетъ быть основанъ только на нравственной связи, въ видѣ взаимной любви, и не долженъ знать никакихъ другихъ узъ. Родители не имѣютъ никакой власти надъ достигшими совершеннаго возраста дѣтьми, дѣти не связаны никакими обязательствами по отношенiю къ родителямъ, включая сюда и благодарность, такъ какъ всѣ заботы послѣднихъ о дѣтяхъ вытекаютъ изъ эгоистическихъ побужденiй. Воспитанiе дѣтей въ этой идеальной семьѣ должно принадлежать самимъ родителямъ, услуги же «наемныхъ рачительницъ» и «наемныхъ наставниковъ» рѣшительно исключаются. Съ ранняго дѣтства въ воспитанiи не должно быть никакого принужденiя, чтобы воспитать «духъ, нетерпящъ велѣнiя безрасуднаго, кротокъ къ совѣту дружества». Необходимо укрѣпить тѣло ребенка физическими упражненiями и трудами, развить его умъ размышленiями, избѣгая излиш-

няго отягощенія памяти, воспитать въ немъ нравственное чувство, которое сообщило бы ему умѣренность въ удовлетвореніи чувствъ и страстей, наконецъ, создать въ немъ чувство собственнаго достоинства, которое сдѣлало бы его судьею собственныхъ поступковъ и заставило бы его избѣгать «даже вида раболѣпствованія». Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ явится полезнымъ членомъ общества и будетъ въ состоянія достигнуть истиннаго блага жизни, заключающагося въ добродѣтели, «вершинѣ дѣяній человѣческихъ».

«Добродѣтели суть—по словамъ Радищева—или частныя, или общественныя». Корень первыхъ «всегда благъ», такъ какъ побужденія къ нимъ вытекаютъ изъ любви къ ближнему. Общественныя же добродѣтели могутъ быть порождаемы и чисто эгоистическими мотивами тщеславія и честолюбія, не заслуживая и въ этомъ случаѣ пренебреженія. Но особеннаго блеска онѣ достигаютъ тогда, когда источникомъ ихъ также является человѣколюбіе, и поэтому упражненіе въ частныхъ добродѣтеляхъ служитъ подготовительной ступенью къ добродѣтели общественной. Въ общественной жизни человѣкъ имѣетъ дѣло съ обычаями или нравами народа, съ требованіями закона и съ предписаніями добродѣтели. Эти три источника общественной морали имѣютъ не одинаковое значеніе. Закономъ нельзя поступаться въ пользу обычая, такъ какъ «законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества», и даже въ силу прямого требованія со стороны верховной власти нельзя нарушить законъ, пока онъ остается неотмѣненнымъ. Но важнѣе закона—велѣнія добродѣтели. Ни приказанія власти, ни авторитетъ закона не могутъ стать выше этихъ велѣній, передъ которыми должны быть равно безсильны обольщенія и угрозы, насмѣшки и гоненія, и даже самая смерть. Эта добродѣтель не знаетъ уступокъ обстоятельствамъ, не допускаетъ сдѣлокъ съ «робостью благоразумія» и не позволяетъ «именовать благоразуміемъ слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага». Можетъ слу-

читься, правда, что высокій идеалъ окажется недостижимымъ въ современной жизни, что послѣдняя выбьетъ оружіе изъ рукъ борца за добродѣтель и раздавитъ его своею тяжестью. Тогда есть надежный исходъ. «Если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если, доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся,—умри [1]). Такимъ образомъ самоубійство, на которое Радищевъ въ «Житіи Ушакова» указывалъ, какъ на средство уйти изъ жизни, сдѣлавшейся несносной вслѣдствіе физическихъ страданій, пріобрѣтало въ его глазахъ и другое значеніе: въ самоубійствѣ онъ видѣлъ послѣднее оружіе въ борьбѣ съ неблагопріятною судьбою, крайнее средство для охраны человѣческаго достоинства личности и избавленія отъ нравственныхъ мученій, какія можетъ повлечь за собою борьба съ существующимъ общественнымъ порядкомъ.

Что касается права личности на такую борьбу, то оно, по взгляду Радищева, заключается уже въ самыхъ условіяхъ возникновенія человѣческаго общества. Принимая общую почти всѣмъ писателямъ XVIII вѣка теорію

[1]) Тамъ же, 179—80, 160—178, 186—7, 182—6, 191. Аналогичный взглядъ на самоубійство мы встрѣчаемъ во французской литературѣ у Дидро въ его статьѣ въ Энциклопедіи и у Гольбаха. „Страхъ смерти—говоритъ послѣдній—всегда будетъ лишь дѣлать людей трусами; страхъ предполагаемыхъ ея послѣдствій будетъ только дѣлать изъ людей фанатиковъ или меланхолическихъ піетистовъ, равно безполезныхъ для себя самихъ и для другихъ. Смерть—такой рессурсъ, котораго не слѣдуетъ отнимать у угнетенной добродѣтели, нерѣдко доводимой до отчаянія людскою несправедливостью. Если бы люди меньше боялись смерти, они не были бы ни рабами, ни суевѣрами; истина находила бы для себя болѣе ревностныхъ защитниковъ, права людей отстаивались бы съ большимъ рвеніемъ, борьба съ заблужденіями велась бы энергичнѣе и изъ жизни народовъ была бы навсегда изгнана тиранія; низость питаетъ ее и страхъ ее поддерживаетъ“. Holbach, Système de la Nature. Nouvelle edition. Paris. 1820. T. I. p. 384.

естественнаго права и происхожденія общества изъ первоначальнаго договора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ примыкаетъ къ наиболѣе демократическимъ выводамъ изъ этой теоріи. «Человѣкъ родится въ міръ—говоритъ одинъ изъ положительныхъ героевъ «Путешествія»—равенъ во всемъ одинъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ». Но съ моментомъ возникновенія общества человѣкъ соглашается повиноваться не одной лишь своей волѣ и признавать надъ собою установленную въ обществѣ власть. «Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть?.. Для своея пользы, скажетъ разсудокъ; для своея пользы, скажетъ внутреннее чувство; для своея пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ или не въ силахъ его заступить, или того не хочетъ... тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія... Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность есть собственная сохранность, защита, благосостояніе». Цѣлью государственнаго устройства служитъ благосостояніе страны, слагающееся изъ благосостоянія отдѣльныхъ гражданъ. Нельзя назвать «блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысячи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова». Не можетъ быть названа блаженной и такая страна, которая не знаетъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, уподобляясь въ своемъ устройствѣ военному лагерю. «Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы [1]). Такимъ образомъ изъ естественнаго равен-

[1]) Тамъ же, 143—4, 248—51.

ства людей, опредѣлившаго собою условія первоначальнаго общественнаго договора, мысль писателя непосредственно выводитъ равенство гражданъ въ государствѣ и права народа передъ верховною властью. Когда то или другое изъ этихъ требованій нормальнаго государственнаго строя нарушается послѣдней, природное право защиты можетъ быть обращено противъ нея, и съ этой точки зрѣнія Кромвель и Франклинъ равно являются въ глазахъ Радищева носителями общественной добродѣтели. «Я чту, обращается онъ къ первому изъ нихъ въ своей одѣ «Вольность»—я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя, что, власть въ рукѣ своей имѣя, ты твердь свободы сокрушилъ.—Но научилъ ты въ родъ и роды,—какъ могутъ мстить себя народы: ты Карла на судѣ казнилъ» [1]).

Таковы основныя воззрѣнія Радищева, поскольку они были имъ высказаны въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». Многое изъ нихъ, несомнѣнно, заимствовано, но это заимствованіе во всякомъ случаѣ стояло очень далеко отъ рабскаго подражанія однажды избраннымъ образцамъ. Сознательно усвоивъ себѣ главные результаты теоретической мысли Запада, онъ переработалъ ихъ самостоятельно и слилъ въ одно органическое цѣлое. Жизненность создавшагося такимъ путемъ міровоззрѣнія всего

---

[1]) Тамъ же, 366. Совпаденіе этихъ воззрѣній съ теоріями Руссо и Мабли не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Съ другой стороны, указанные взгляды Радищева очень близки къ тѣмъ положеніямъ, защитникомъ которыхъ выступалъ авторъ „Системы природы". „Такъ какъ правительство—писалъ Гольбахъ—заимствуетъ свою власть только отъ общества и учреждается лишь для блага послѣдняго, то очевидно, что общество, если того требуетъ его интересъ, можетъ брать назадъ эту власть, измѣнять форму правленія, расширять или ограничивать власть, ввѣряемую имъ главамъ правительства, надъ которыми оно всегда сохраняетъ высшій авторитетъ, согласно неизмѣнному закону природы, подчиняющему часть цѣлому". „Общество—продолжалъ онъ, поясняя свою мысль,—имѣетъ права надъ всѣми своими членами въ силу тѣхъ выгодъ, какія оно имъ доставляетъ, и всѣ его члены въ правѣ требовать отъ него или отъ

лучше проявлялась въ томъ примѣненіи. какое оно получало въ условіяхъ русской жизни.

Въ своей книгѣ Радищевъ касается самыхъ различныхъ сторонъ современнаго ему русскаго быта, являясь глубокимъ знатокомъ послѣдняго. О знакомствѣ его съ народнымъ бытомъ въ извѣстной мѣрѣ свидѣтельствуетъ уже самый языкъ книги. Тяжелый и нѣсколько напыщенный въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, онъ въ описаніяхъ бытовыхъ сценъ нерѣдко переходитъ въ живую разговорную рѣчь, изобилующую народными оборотами и подчасъ блещущую искрами неподдѣльнаго юмора. Богатство разбросанныхъ въ книгѣ типичныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни различныхъ общественныхъ классовъ и умѣлый подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ государственнаго и соціальнаго строя Россіи въ еще большей степени обличаютъ въ ея авторѣ человѣка, пристально вглядывавшагося въ окружавшую его дѣйствительность и хорошо изучившаго ее. Большую роль въ этомъ изученіи должна была сыграть наблюдательность Радищева, возникавшая на почвѣ его необыкновенной воспріимчивости и живого ума, быстро схватывавшаго впечатлѣнія и легко разбиравшагося въ нихъ. Но къ этимъ особенностямъ духовной природы писателя присоединялась и еще одна, созданная внѣшними условіями его жизни. Въ противоположность большинству

своихъ уполномоченныхъ тѣхъ выгодъ, ради которыхъ они живутъ въ обществѣ и отказываются отъ части своей естественной свободы. Общество, главы и законы котораго не доставляютъ никакихъ благъ его членамъ, очевидно, утрачиваетъ свои права надъ послѣдними; тѣ главы. которыя вредятъ обществу, утрачиваютъ право руководить имъ. Не существуетъ отечества безъ благосостоянія; общество безъ справедливости заключаетъ въ себѣ лишь враговъ, угнетенное общество заключаетъ въ себѣ лишь угнетателей и рабовъ; рабы не могутъ быть гражданами; лишь свобода, собственность и безопасность дѣлаютъ отечество драгоцѣннымъ и лишь любовь къ отечеству создаетъ гражданъ". См. Sistème de la Nature. Paris. 1820, pp. 212, 214. Какъ можно видѣть даже изъ приведенныхъ цитатъ, тотъ оттѣнокъ индивидуализма, который отличалъ взгляды Гольбаха отъ идей Руссо, не былъ чуждъ и Радищеву.

своихъ современниковъ, Радищевъ приступилъ къ сознательнымъ наблюденіямъ надъ русскою дѣйствительностью во всеоружіи теоретическаго знанія и твердыхъ убѣжденій. Выѣхавъ изъ Россіи въ поискахъ за образованіемъ на зарѣ юности, онъ вернулся человѣкомъ съ установившимся міровоззрѣніемъ, и это обстоятельство должно было значительно облегчить ему самое наблюденіе фактовъ родной дѣйствительности. Проходя сквозь призму опредѣленнаго міровоззрѣнія, эти факты пріобрѣтали болѣе яркую окраску и, не утрачивая конкретныхъ своихъ чертъ, вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе обнаруживали свой общій смыслъ. Благодаря этому счастливому соединенію въ лицѣ автора «Путешествія» человѣка съ широкимъ размахомъ теоретической мысли и внимательнаго наблюдателя повседневной жизни, онъ смогъ въ своей на половину лирической книгѣ произвести глубокій и смѣлый анализъ современный ему дѣйствительности и дать такую яркую и обобщенную картину пороковъ и золъ Екатерининской Россіи, какую напрасно было бы искать въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ сатиры этой эпохи.

Такая картина не развертывается въ «Путешествіи» сразу во всей ея широтѣ. Она создается въ умѣ читателя книги постепенно, путемъ своего рода мозаичной работы. Авторъ приводитъ безъ всякаго видимаго порядка лишь частные факты изъ различныхъ сферъ русской общественной жизни, но въ каждомъ изъ нихъ онъ подчеркиваетъ его наиболѣе общую сторону, связываетъ отдѣльные эпизоды нитями теоретическихъ разсужденій, и понемногу въ глазахъ читателя вырисовывается то «чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй», о которомъ говоритъ эпиграфъ книги Радищева. Въ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ на первый взглядъ явленіяхъ жизни авторъ умѣетъ найти и показать читателю мрачные слѣды этого чудища.

Наибольшее количество такихъ слѣдовъ находилъ Радищевъ въ положеніи низшаго общественнаго класса своей родины—крѣпостного крестьянства. Жалкое поло-

женіе крѣпостныхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ темъ въ изображеніи Радищевымъ русской жизни и доставляетъ наибольшее количество эпизодовъ, вплетенныхъ въ повѣствовательное кружево «Путешествія». Мысль объ этомъ жалкомъ положеніи неустанно преслѣдуетъ писателя. Даже зрѣлище богатствъ родины вызываетъ у него лишь минутную радость, быстро увядающую при воспоминаніи о томъ, что «въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей» [1]). Рядъ разбросанныхъ въ книгѣ фактовъ посвященъ изображенію «отягченнаго жребія» крестьянства, и эти факты ярко освѣщаютъ весь ужасъ наиболѣе темныхъ сторонъ крѣпостного права. «Путешествіе» возсоздаетъ передъ глазами читателя своего рода портретную галлерею типовъ, порожденныхъ крѣпостничествомъ. Помѣщикъ, заставляющій крестьянъ шесть дней въ недѣлю работать на господской пашнѣ и лишь воскресенье оставляющій имъ для работы на ихъ собственныя семьи; крѣпостные, осужденные за убійство семьи помѣщика, который не только обратилъ ихъ въ батраковъ, отнявъ у нихъ всю землю, и истязалъ ихъ жестокими наказаніями, но еще и безчестилъ ихъ женъ и дочерей; помѣщикъ, введшій въ своемъ имѣніи jus primae noctis и лишь случайно спасшійся отъ смерти уготованной ему крестьянами; распродаваемые съ аукціона люди, въ томъ числѣ дядька, кормилица, любовница и сынъ продающаго ихъ барина; дворовый, по барскому капризу получившій образованіе и, благодаря этому, тѣмъ съ большею силою чувствующій тяготѣющій надъ нимъ произволъ; крестьяне, вступающіе въ бракъ по принужденію господина; казенные крестьяне, покупающіе крѣпостныхъ у помѣщика для отдачи ихъ въ рекруты.—таковы важнѣйшія фигуры этой галлереи, наглядно убѣждающія Радищева въ томъ, что въ Россіи «крестьянинъ въ

---

[1]) Тамъ же, 269—270.

законѣ мертвъ» [1]. Какъ бы заключая рядъ впечатлѣній, получаемыхъ читателемъ отъ этихъ фигуръ, и сводя въ одно цѣлое ихъ разрозненныя черты, Радищевъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своей книги изображаетъ внѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Рѣзкими штрихами набрасываетъ онъ картину жалкаго убожества этой обстановки, граничащаго съ нищетой. Жилище крестьянина—курная изба съ покрытыми сажей и грязью стѣнами, съ затянутыми пузыремъ окнами, изба, въ которой люди спятъ ночью вмѣстѣ съ животными, въ спертомъ воздухѣ которой свѣча горитъ, какъ въ туманѣ. Внутреннее убранство этой избы состоитъ изъ скудной утвари: двухъ-трехъ горшковъ—«счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ есть пустыя щи»,—деревянной чашки и кружковъ вмѣсто тарелокъ, срубленнаго топоромъ стола, корыта для корма свиней и телятъ и кадки съ квасомъ, похожимъ на уксусъ. Одежда крестьянина «посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода». «Вотъ въ чемъ —восклицаетъ писатель—почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе.- Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ?—то, чего отнять не можемъ,—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь.—Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе: съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребіи

[1] Тамъ же, 15—18, 125—8, 217—8, 342—6, 373—85, 417—8 385—9.

заклепаннаго въ узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола въ ярмѣ» [1])...

Жизнь другихъ сословій, внѣ ихъ отношенія къ крестьянамъ, менѣе привлекала къ себѣ вниманіе автора «Путешествія». Но и эти стороны общественной жизни не остались вовсе незатронутыми его критикою. Онъ указывалъ на плутни и обманы, на почвѣ которыхъ создавались нерѣдко богатства купечества, на раболѣпство дворянъ, выходящихъ на видныя служебныя мѣста черезъ придворные чины и видящихъ въ службѣ лишь источникъ личнаго благосостоянія, на изнѣженную и развратную жизнь высшихъ общественныхъ классовъ, создающую ихъ физическое вырожденіе.

Въ гораздо большей мѣрѣ сосредоточивали на себѣ вниманіе Радищева тѣ явленія русской жизни, которыя стояли въ непосредственной связи съ существовавшими въ ней административными порядками. Если въ соціальномъ строѣ Россіи автора «Путешествія» поражало безправіе народной массы, если въ общественной жизни онъ констатировалъ отсутствіе сколько-нибудь высокаго этическаго идеала, то порядки современной ему администраціи и суда оставили въ его умѣ не менѣе опредѣленное впечатлѣніе. Слѣдуя общей своей манерѣ, онъ возсоздаетъ это впечатлѣніе передъ читателемъ въ рядѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, сливающихся подъ конецъ въ одну широкую и цѣльную картину. На страницахъ «Путешествія» передъ глазами читателя проходятъ одинъ за другимъ типы администраторовъ, въ своей дѣятельности не считающихся съ требованіями закона и не заботящихся о благосостояніи граждан, но широко пользующихся властью для удовлетворенія личныхъ своихъ интересовъ. Почтовый коммиссаръ, вопреки правиламъ не отпускающій проѣзжимъ лошадей ночью, смѣняется на этихъ страницахъ начальникомъ, котораго его подчиненные не смѣютъ разбудить, хотя отъ

---

[1]) Тамъ же, 412—14.

этого зависитъ спасенiе погибающихъ людей. Вслѣдъ за ними авторъ, постепенно поднимаясь по ступенямъ административной лѣстницы, выводитъ намѣстника, расходующаго казенныя деньги на свои прихоти и обращающаго подчиненныхъ ему чиновниковъ въ своихъ слугъ, другого намѣстника, оказывающаго противозаконное давленiе на судей, наконецъ, самихъ судей, доступныхъ обольщенiямъ, угрозамъ и подкупу и рѣшающихъ дѣла вопреки закону и совѣсти. Честные люди, входящiе въ административныя учрежденiя, напрасно истощаютъ свои силы въ борьбѣ съ этими порядками и въ концѣ концовъ вынуждены признать всю безполезность такой борьбы. Произволъ администрацiи и продажность суда лишаютъ и частныхъ лицъ всякой возможности добиться справедливости въ борьбѣ съ общественной неправдой. Единственной надеждой ихъ при этихъ условiяхъ остается верховная власть, которая въ «самодержавномъ правленiи одна въ отношенiи другихъ можетъ быть безпристрастна». Въ связи съ этимъ авторъ «Путешествiя» разсказываетъ содержанiе видѣннаго имъ сна. Въ этомъ снѣ онъ видѣлъ себя царемъ, сидящимъ на престолѣ и окруженнымъ толпою своихъ слугъ. Они льстиво увѣряютъ его въ благоденствiи его царства: по ихъ словамъ, онъ обогатилъ государство, расширилъ торговлю, содѣйствовалъ процвѣтанiю наукъ и искусствъ, облегчилъ положенiе народа, установилъ справедливые законы и правосудiе. Его министры быстро исполняютъ его повелѣнiя и доносятъ ему о счастливыхъ ихъ результатахъ: его армiи совершаютъ блестящiя завоеванiя, флоты обтекаютъ моря, внутри его государства царятъ правосудiе и милосердiе. Но изъ толпы богато разодѣтыхъ придворныхъ къ нему подходитъ скромная странница въ простой одеждѣ, называющая себя Истиной. Она снимаетъ бѣльма съ глазъ царя, и онъ видитъ, что его солдаты умираютъ отъ голода и болѣзней, суда разваливаются, полководцы и министры расхищаютъ казну, разоренный и угнетаемый народъ бѣдствуетъ, а царскiя милости обращаются въ предметъ

торговли и достаются лишь недостойнымъ. Въ ужасѣ онъ просыпается. «Властитель міра,—заключаетъ Радищевъ свой разсказъ,—если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается» [1]).

Между тѣми теоретическими воззрѣніями, какія выработалъ себѣ Радищевъ, и тѣми наблюденіями, какія онъ сдѣлалъ надъ русскою жизнью, существовала, очевидно, самая тѣсная и неразрывная связь. Общеніе съ умственными теченіями Запада, расширивъ его умственный горизонтъ и укрѣпивъ его нравственное чувство, тѣмъ самымъ усилило и углубило въ немъ интересъ къ явленіямъ родной дѣйствительности, въ которыхъ ему пришлось наблюдать черты, прямо противоположныя его идеалу. Соотвѣтственно этому, и даваемая имъ критика этой дѣйствительности, согрѣтая чувствомъ глубокой вѣры въ достоинство человѣческой личности и горячей симпатіи къ народной массѣ, носила строго общественный характеръ, не переходя въ узкую мораль. Но одною критикою Радищевъ не ограничивается и идетъ еще дальше. Онъ подводитъ общій итогъ своимъ наблюденіямъ надъ русскою жизнью и указываетъ тотъ путь, на которомъ могутъ быть исправлены ея недостатки. Главнымъ изъ нихъ, отъ котораго болѣе или менѣе зависятъ всѣ другіе, онъ считаетъ крѣпостное право. Возможно ли, спрашиваетъ онъ, «наслаждаясь внутренней тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя, доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія», оставлять «цѣлую треть согражданъ, намъ равныхъ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи»? Право естественное и гражданское учитъ, что люди должны быть равны, что государство должно обезпечивать благосостояніе гражданъ, и что только злодѣй или непріятель можетъ быть повергнутъ въ неволю. «Но кто между нами оковы носитъ, кто ощу-

---

1) Тамъ же, 4—6, 21—40, 43—7, 58, 58—9, 61—85.

щаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ!... тотъ кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя права распоряжати ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?... Тогда какъ въ началѣ общества, кто обрабатывалъ землю, тотъ и владѣлъ ею, теперь «тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, обрабатывая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другого». «Можетъ ли—спрашиваетъ еще писатель—государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ положеніе крестьянина въ Россіи»? Противорѣча основнымъ требованіямъ естественнаго и государственнаго права, крѣпостное состояніе, какъ доказываетъ далѣе писатель, приноситъ тяжелый вредъ всему обществу и грозитъ опасностью государственному порядку. Невольный трудъ по самому существу своему менѣе выгоденъ, нежели свободный; благодаря этому, при существованіи перваго задерживается ростъ богатства страны и размноженіе ея народонаселенія. Еще болѣе опасны нравственныя послѣдствія крѣпостного права, исключающаго во всемъ обществѣ возможность какихъ-либо другихъ узъ, кромѣ насилія. При существованіи рабства крестьянъ вся нравственная жизнь общества проходитъ въ атмосферѣ произвола, такъ какъ среди самихъ рабовладѣльцевъ «съ одной стороны, родится надменность, а съ другой—робость». Среди подобнаго общества нѣтъ мѣста ни сознанію своего достоинства, ни истинной свободѣ, такъ какъ владѣльцы рабовъ, сами не будучи въ состояніи воспользоваться свободой, являются вмѣстѣ съ тѣмъ горячими поборниками неволи. Между тѣмъ лишенный своихъ правъ народъ не можетъ примириться съ этимъ лишеніемъ и, предпринимая время отъ времени отчаянныя попытки возвратить себѣ свободу, жестоко мститъ своимъ

угнетателямъ и потрясаетъ самое зданіе государства.

Исходя изъ этихъ соображеній, Радищевъ горячо убѣждаетъ своихъ современниковъ приступить къ освобожденію крестьянъ, и набрасываетъ свой планъ такого освобожденія, отличающійся замѣчательною для того времени широтой и трезвостью мысли. Все дѣло освобожденія дѣлится, согласно его проекту, на три періода. Въ первомъ устанавливается «раздѣленіе сельскаго рабства и рабства домашняго»: уничтожается помѣщичья дворня, и помѣщикъ лишается права брать крестьянъ въ дворовые, а взятый во дворъ крестьянинъ становится свободнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне получаютъ право вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и уничтожаются выводныя деньги. Во второмъ періодѣ крестьянинъ получаетъ собственность и нѣкоторыя гражданскія права. «Удѣлъ въ землѣ ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Одновременно крестьяне надѣляются правомъ пріобрѣтать въ собственность землю и движимое имущество, судиться у избранныхъ ими самими судей и выкупаться на волю за опредѣленную сумму и избавляются отъ произвольныхъ наказаній, налагаемыхъ безъ суда. Послѣ того наступаетъ третій періодъ—«совершенное уничтоженіе рабства» [1]).

Проектируя такимъ образомъ въ качествѣ перваго шага къ обновленію Россіи освобожденіе крестьянъ, сопровождаемое предоставленіемъ въ ихъ собственность обрабатываемыхъ ими земельныхъ надѣловъ, Радищевъ далеко опередилъ не только всѣхъ русскихъ своихъ современниковъ, но и большинство западно-европейскихъ мыслителей своей эпохи. Достаточно напомнить, что изъ 155 иностранцевъ, отозвавшихся на поставленную въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ по почину Екатерины II задачу, долженъ-ли крестьянинъ имѣть собственность, лишь одинъ французъ Граслэнъ категорически вы-

---

[1]) Тамъ же, 238-63, 265—7.

сказался за обращеніе всего земельнаго надѣла крестьянъ въ ихъ собственность. Около этого же времени Мабли, ставившій идеаломъ далекаго будущаго общность имуществъ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему барскими конфедератами вызовъ указать необходимыя для Польши реформы, ограничился лишь неопредѣленными намеками на желательность предоставленія крестьянамъ не только свободы, но и земельной собственности, тогда какъ Руссо опасался и самаго освобожденія, считая необходимымъ раньше сдѣлать рабовъ достойными свободы и способными пользоваться ею [1]. Радищевъ смѣлѣе своихъ учителей переходилъ отъ теоріи къ практикѣ жизни. Но, выступая съ такимъ рѣшительнымъ проектомъ, онъ долженъ былъ задуматься и надъ вопросомъ, какія силы смогутъ перекинуть этотъ мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую его идеалъ отъ современной ему дѣйствительности. Подъ той сентиментальной и даже риторической оболочкой, въ которую Радищевъ одѣвалъ подчасъ свою мысль, послѣдняя всегда сохраняла въ существѣ своемъ глубоко реальное направленіе, никогда не утрачивая способности взвѣшивать силу конкретныхъ условій дѣйствительности. Радищевъ не ждалъ большой симпатіи къ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ главныхъ силъ современнаго ему общественнаго порядка и всего менѣе надеждъ возлагалъ въ этомъ отношеніи на помѣщиковъ. Задавая себѣ вопросъ, какъ можетъ существовать продажа людей въ государствѣ, «гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ», онъ отвѣчалъ: «установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могли свободѣ

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в., СПБ. 1888, т. I, сс. 64—6; В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, СПБ. 1889, сс. 95—102.

поборствовать. всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ эту мысль, сказавъ, что крестьянинъ въ законѣ мертвъ, и немедленно прибавляя: «нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ» [1]). Итакъ, стремленія самой народной массы, естественно порождаемыя тяжестью ея положенія, могутъ измѣнить существующій порядокъ вещей. Оставаясь вѣрнымъ духу раціоналистической философіи XVIII вѣка, Радищевъ находилъ и другую силу, способную дѣйствовать въ томъ же самомъ направленіи. Такою силою является для него просвѣщенный разумъ, способный перестраивать жизнь общества. Въ посвященіи своей книги Кутузову Радищевъ говоритъ о томъ глубокомъ унынiи, которое охватило его, когда онъ вглядѣлся въ современную ему русскую жизнь. Но—продолжаетъ онъ — «я обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ. что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Признаніе такого положенія открывало выходъ изъ печальнаго настоящаго въ свѣтлое будущее и давало возможность отдѣльному человѣку принимать дѣятельное участіе въ работѣ надъ созданіемъ условій. облегчающихъ наступленіе этого будущаго. Если главная причина бѣдствій человѣка заключается въ неправильныхъ понятіяхъ, заслоняющихъ его природныя чувства, то просвѣщенный разумъ можетъ устранить эти понятія и тѣмъ самымъ содѣйствовать дѣлу общественнаго прогресса. Въ такомъ содѣйствіи заключался для Радищева и весь смыслъ его собственной книги. «Я человѣку—говоритъ онъ—нашелъ утѣшитель въ немъ самомъ. Отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду... Воспрянулъ я отъ унынія моего... и—веселіе неизреченное!—я почувствовалъ. что возможно всякому соуча-

---

[1]) Путешествіе, 349, 218.

стникомъ быть въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль. побудившая меня начертать, что читать будешь». Стихійныя стремленія народной массы и просвѣщенное сознаніе единичныхъ личностей, возвѣщающее ихъ надъ узкими личными и классовыми интересами,- таковы, стало быть, были въ представленіи Радищева тѣ устои, на которыхъ онъ разсчитывалъ построить мостъ черезъ пропасть, лежавшую между дѣйствительностью его эпохи и его идеаломъ. Исторія въ общемъ оправдала эти разсчеты, но въ одномъ она горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти.

III.

Въ свое время книга Радищева явилась наиболѣе зрѣлымъ плодомъ того идейнаго движенія, какое зарождалось подъ конецъ XVIII вѣка въ жизни русскаго общества подъ вліяніемъ встрѣчи его съ умственными теченіями европейскаго Запада. Ни одинъ изъ писателей его эпохи не усвоилъ себѣ такъ полно и сознательно этихъ теченій, ни одинъ не вглядывался такъ глубоко въ русскую жизнь и не указывалъ такъ вѣрно на присущія ей болѣзни. Но идеи, лежавшія въ основѣ этого движенія, ставили наиболѣе послѣдовательныхъ своихъ адептовъ въ черезчуръ рѣшительное противорѣчіе съ коренными условіями русской дѣйствительности той поры, а слабость только что начинавшагося движенія заранѣе предрѣшала трагическій исходъ этого противорѣчія. Радищеву первому довелось извѣдать такой исходъ на собственномъ опытѣ. Почти немедленно вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его книги ему пришлось имѣть дѣло съ такими послѣдствіями этого шага, какихъ онъ не предвидѣлъ и не ожидалъ. Когда «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» появилось въ книжныхъ лавкахъ, продажа его сразу пошла хорошо, и

книга, видимо, легко находила себѣ читателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ стали распространяться настолько неблагопріятные слухи относительно вѣроятной судьбы оставшагося пока безыменнымъ автора, что послѣдній уже черезъ нѣсколько дней рѣшился пріостановить продажу, а затѣмъ и сжегъ всѣ оставшіеся у него экземпляры книги. Но было уже поздно: за эти дни надъ головой Радищева нависла бѣда, и ему не удалось предотвратить ее.

Въ числѣ первыхъ читателей «Путешествія» оказалась сама имп. Екатерина. Секретарь ея, Храповицкій, 26 іюня 1790 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Говорено о книгѣ: «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы». Тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева». Впечатлѣніе, произведенное на императрицу чтеніемъ «Путешествія», было чрезвычайно сильно. Екатерина II, о которой въ свое время приближенный къ ней человѣкъ, П. В. Завадовскій, въ интимномъ письмѣ отзывался: «мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества» [1], которая до сихъ поръ привыкла слышать лишь истину, говоренную «съ улыбкою», иначе говоря, малую долю истины, приправленную значительною долею лести, въ книгѣ Радищева впервые столкнулась съ такою свободою рѣчи и смѣлостью критики, какихъ она ранѣе не знала въ примѣненіи къ условіямъ русскаго быта. Если уже языкъ Новиковскихъ журналовъ и Фонъ-Визинской сатиры непріятно рѣзалъ ея ухо, то Радищевское «Путешествіе» глубоко поразило и оскорбило ее. Вдобавокъ сама Екатерина къ этой порѣ своей жизни значительно измѣнилась по сравненію съ первыми годами ея царствованія. Бывшая ученица французскихъ философовъ, всегда, впрочемъ, воздерживавшаяся отъ сколько-нибудь широкаго примѣненія

[1]) Въ письмѣ Завадовскаго къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 16 марта 1777 г., см. Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 154.

ихъ теорій на практикѣ, пугливо отшатнулась отъ ихъ ученія при первыхъ признакахъ революціоннаго движенія въ Европѣ, всецѣло поставленнаго ею на счетъ этого ученія. Первыя же вспышки революціи во Франціи заставили ее съ опасливымъ вниманіемъ вглядываться въ настроеніе русскаго общества, и, однажды возбужденная въ этомъ направленіи, подозрительность доходила до того, что даже въ скромныхъ московскихъ масонахъ Екатерина готова была видѣть предтечъ революціонеровъ, а въ ихъ благотворительной дѣятельности—преступную пропаганду. При такомъ настроеніи императрицы авторъ «Письма къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ» и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» представился ей ни болѣе, ни менѣе, какъ «первымъ подвизателемъ французской революціи въ Россіи [1]). Прочитавъ лишь тридцать страницъ «Путешествія», Екатерина уже произнесла надъ нимъ суровый приговоръ. «Намѣреніе сей книги—записала она—на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едва-ли не мартинистъ или чего подобное» [2]). Дальнѣйшія главы «Путешествія» Екатерина читала очень внимательно, съ перомъ въ рукѣ, тщательно конспектируя содержаніе прочитаннаго изъ страницы въ страницу. Но это не было вниманіе читателя-друга. Взгляды читательницы были черезчуръ далеки отъ міросозерцанія писателя, и между ними оказывались возможными лишь рѣзкія и враждебныя столкновенія. Благодаря этому, конспектъ ежеминутно переходилъ въ желчную полемику, а послѣдняя обращалась въ тяжелыя обвиненія, становившіяся весьма опасными въ устахъ того лица, отъ котораго они исходили.

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. III, смѣсь, с. 77.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 407.

Въ этой любопытной полемикѣ, которую императрица въ тайнѣ отъ другихъ читателей вела въ стѣнахъ своего кабинета съ Радищевымъ, ясно сказалось, какъ глубоко задѣла книга послѣдняго ея замолюбіе. Въ своихъ замѣчаніяхъ Екатерина не пропустила ни одного случая указать на несостоятельность мнѣній непріятнаго ей автора, выставить въ непривлекательномъ видѣ нравственную сторону его взглядовъ или насмѣяться надъ нимъ, не особенно заботясь при этомъ объ основательности собственныхъ аргументовъ и утвержденій. Подмѣтивъ въ философскихъ мѣстахъ книги присутствіе идеалистическихъ воззрѣній и не умѣя опредѣлить истиннаго ихъ источника, она безъ дальнихъ размышленій отнесла автора къ мартинистамъ. Замѣчаніе Радищева, что человѣкъ долженъ болѣе всего заботиться о сохраненіи въ себѣ самоуваженія, дало ей поводъ заключить, что «сочинитель эгоистъ сущій и болѣе собою занятъ, нежели инымъ чѣмъ». Сентиментальная манера повѣствованія, усвоенная Радищевымъ, вызывала злыя насмѣшки его вѣнчаннаго критика: «начинается прежалкая повѣсть о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина»,—записала Екатерина при разсказѣ о продажѣ крѣпостныхъ съ аукціона. Язвительное замѣчаніе вылилось изъ-подъ ея пера и при чтеніи разсужденій автора о вредѣ крѣпостного права: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». «Ѣдетъ—отозвалась она въ другомъ мѣстѣ объ авторѣ—оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Насмѣшливое отношеніе къ автору книги, усвоенное Екатериною, и категорическое отрицаніе ею справедливости общихъ его утвержденій такъ мало, однако, были согласованы съ дѣйствительностью, что самъ суровый критикъ не только не рѣшался заподозривать правдивость отдѣльныхъ фактовъ, сообщенныхъ въ книгѣ, но даже могъ въ разсказы объ нѣкоторыхъ изъ нихъ вписать имена ихъ виновниковъ,

укрытыя авторомъ: «едва-ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова», — приписала Екатерина, прочитавъ разсказъ о помѣщикѣ, котораго крестьяне собирались убить за систематическое обезчещеніе дѣвушекъ [1].

Но если такимъ образомъ въ полемикѣ, предпринятой Екатериною, преимущества, даваемыя точнымъ знаніемъ фактовъ и искренностью и послѣдовательностью мысли, въ большинствѣ случаевъ были не на ея сторонѣ, то это обстоятельство могло не облегчить, а развѣ усугубить тяжесть тѣхъ обвиненій, какія она выставляла противъ автора книги. Черезъ весь разборъ «Путешествія», написанный Екатериною, красною нитью проходитъ тенденція отыскать въ немъ противозаконныя мысли и преступныя стремленія. Въ этомъ разборѣ трудно узнать ту самую государыню, которая нѣкогда переписывала въ свой Наказъ афоризмы Монтескье, утверждая, что «все превращаетъ и опровергаетъ тотъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное», и что «великое было бы несчастіе въ государствѣ, если бы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи... ниже свободно говорить своего мнѣнія». Теперь общіе взгляды, высказанные въ книгѣ Радищева, представлялись въ ея глазахъ равносильными преступленію, а критика, направленная не на отдѣльныхъ лицъ, а на нравы и учрежденія, казалась ей «опорочиваніемъ всего установленнаго и принятаго». Екатерина, которая сама была, какъ хорошо знали ея современники, болѣе, чѣмъ холодна къ религіи, отмѣчала, однако же, тѣ страницы книги Радищева, которыя «доказываютъ, что сочинитель совершенный деистъ, и несходственны православному восточному исповѣданію». Она усмотрѣла въ разбираемой ею книгѣ «ядъ французской» и мнѣнія, «уничтожающія законы и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена». Идеалъ воспитанія, выставленный Радищевымъ, вызвалъ съ ея сто-

[1] Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 416, 420, 419, 414, 417—8.

роны замѣчаніе, что мнѣнія писателя ведутъ «къ разрушенію союза между родителей и чадъ и совсѣмъ противны Закону Божію, десяти заповѣдямъ, Святому Писанію и гражданскому закону». Наконецъ, утверждая, что мысль автора «клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ противу начальства», Екатерина и по отношенію къ правительствамъ находила въ книгѣ «страницы криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія», и заключала, что сочинитель «себя опредѣлилъ начальникомъ, книгою-ли или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей». Но какъ—прибавляла она—сіе исполнить онъ единъ не могъ, и, оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить, какъ о семъ, и о подлинномъ намѣреніи и сказать ему, чтобъ онъ написалъ самъ, какъ онъ говоритъ, что правду любитъ, какъ дѣло было; ежели же не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательства, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго». «Скажите сочинителю,—написала еще Екатерина въ концѣ своихъ замѣчаній, скрывая одинъ изъ главныхъ мотивовъ своего раздраженія,—что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано-ли ему мною какой обиды? Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія» [1]).

Заключеніе замѣчаній Екатерины говорило уже о допросѣ автора «Путешествія» и судѣ надъ нимъ. Но допросъ Радищева начался еще ранѣе, чѣмъ Екатерина закончила свои замѣчанія. Съ первыхъ страницъ книги императрица заинтересовалась вопросомъ о личности ея автора. Купецъ, въ лавкѣ котораго продавалась книга, и таможенный служащій, бывшій книгопродавецъ, носившій ее на цензуру оберъ-полицеймейстера Рылѣева, были арестованы, но они не назвали имени автора. Указанія на послѣдняго были, однако, даны Екатерины самимъ содер-

[1]) Тамъ же, 411, 413, 414, 415, 419, 421—2, 421.

женіемъ «Путешествія». Слова автора о «знаніи, которое онъ къ счастью своему имѣлъ случай узнать», обратили вниманіе Екатерины на Радищева и его бывшаго товарища по лейпцигскому университету Челищева, о которыхъ она слышала, что у нихъ имѣются домашнія типографіи, а знакомство автора съ «подробностями купецкихъ обмановъ,—чего у таможни приглядѣться можно»,—укрѣпило ея подозрѣнія на Радищева [1]). 27 іюня гр. Безбородко именемъ императрицы поручилъ гр. А. Р. Воронцову, непосредственному начальнику Радищева по службѣ, допросить послѣдняго, не онъ-ли авторъ инкриминированной книги, но въ тотъ же день Безбородко другимъ письмомъ извѣстилъ Воронцова объ отмѣнѣ этого порученія въ виду того, что «дѣло пошло уже формальнымъ слѣдствіемъ» [2]). Послѣднее передано было знаменитому начальнику тайной экспедиціи, Шешковскому. Когда Радищевъ, вызванный къ допросу, услышалъ страшное имя слѣдователя, которому поручено было его дѣло, онъ упалъ въ обморокъ [3]). 30 іюня онъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость, а 2 іюля Храповицкій занесъ въ свой дневникъ такую отмѣтку: «Радищевъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости».

Тяжелый ударъ, обрушившійся на Радищева, ошеломилъ его. Поставленный въ положеніе государственнаго преступника, «препорученный» прославившемуся своимъ «кнутобойничаніемъ», по выраженію Потемкина, Шешковскому, предупрежденный отъ имени самой Екатерины, что упорство съ его стороны вынудитъ ее «сыскать доказательства» и сдѣлаетъ его дѣло «дурнѣе прежняго», онъ палъ духомъ. Этому содѣйствовалъ и самый характеръ допроса и обвиненій, къ нему предъявлявшихся. Шешковскій, которому Екатерина переслала свои замѣча-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 411.

[2]) Тамъ же, XIII, 199—201.

[3]) П. А. Радищевъ. „А. Н. Радищевъ. По воспоминаніямъ сына". Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, с. 407.

нія на «Путешествіе», обратилъ содержаніе всѣхъ этихъ замѣчаній въ допросные пункты Радищеву. Послѣднему легко было доказать. что онъ при написаніи своей книги не руководился никакими мотивами личнаго раздраженія. для которыхъ не было мѣста въ его жизни и служебной дѣятельности, и не питалъ никакихъ преступныхъ замысловъ. «Если кто скажетъ,—говорилъ онъ по поводу послѣдняго пункта въ своей повинной,—что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается: первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ. что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ. что и напечатано ея очень мало. не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина, и можетъ-ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ; возмогъ-ли я помыслить. что почесть меня такимъ возможно» [1]). Легко, наконецъ, было Радищеву доказать свою непричастность къ мнѣніямъ. несправедливо приписаннымъ ему, въ родѣ симпатіи къ мартинистамъ, простою ссылкою на свою книгу. Но затѣмъ оставался еще вопросъ о мнѣніяхъ, которыя были. несомнѣнно, высказаны Радищевымъ въ его книгѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ вопросныхъ пунктахъ были квалифицированы, какъ преступныя. Радищевъ не нашелъ въ себѣ мужества,—которое при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, было бы равносильно геройству,—всецѣло подтвердить эти свои мнѣнія. Онъ призналъ себя «преступникомъ», свою книгу «пагубной», наполненной «безразсудною дерзостью», «гнусными, дерзкими и развратными выраженіями», заявилъ. что написалъ и напечаталъ ее исключительно для того, чтобы получить славу смѣлаго писателя и денежную выгоду отъ продажи книги, сознался, что многое написалъ «по сумашествію на то время и сумасбродству своему», и молилъ о помилованіи [2]). Словомъ, на допросахъ Шешковскаго Радищевъ отрекся отъ своихъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 428.

[2]) Тамъ же, 423, 429, 437, 431, 433.

мнѣній. Но какъ было уже однажды указано въ нашей литературѣ [1]), это отреченіе не было ни искреннимъ, ни даже полнымъ. Свое отреченіе Радищевъ иногда сопровождалъ такими оговорками, которыя, если и не уничтожали, то, по крайней мѣрѣ, значительно смягчали его смыслъ. Въ первоначальныхъ двухъ своихъ повинныхъ онъ, признавая въ общихъ выраженіяхъ свою вину, вмѣстѣ съ тѣмъ пытался отстаивать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, объясняя, что въ нихъ не заключалось ничего преступнаго. Когда вслѣдъ за тѣмъ предложенные ему Шешковскимъ вопросные пункты вновь потребовали у него объясненій этихъ мнѣній, какъ преступныхъ, ему пришлось итти въ своихъ уступкахъ грозному слѣдователю дальше. Такъ, въ своей повинной отъ 1 іюля онъ говорилъ: «если я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе: думалъ, что она не нужна и, если не будетъ существовать, то обязанный всякъ самъ отвѣтствовать на цензуру полагаться не будетъ». Но въ поставленныхъ ему послѣ того допросныхъ пунктахъ вновь былъ повторенъ вопросъ, почему онъ хочетъ уничтожить цензуру, и на этотъ разъ Радищевъ заявилъ, что признаетъ свое заблужденіе, на собственномъ опытѣ убѣдившись въ пользѣ цензуры, которая можетъ спасти многихъ «заблужденно мыслящихъ» отъ погибили, подобно той, въ какую онъ ввергнулъ себя. Подобнымъ же образомъ на вопросъ о цѣли его размышленій о желательности уничтоженія придворныхъ чиновъ онъ отвѣтилъ: «мысль моя отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишніе, и въ томъ признаю себя виновнымъ». По вопросу объ его мнѣніяхъ относительно семейнаго быта, онъ сперва пытался доказать, что, не помышляя «умалить власти родительской», онъ «хотѣлъ толь-

---

[1]) В. Якушкинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., Рус. Старина, 1882, № 9, с. 480—4.

ко показать, какимъ образомъ она можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца», но затѣмъ призналъ «не только ошибку, но и совершенное безуміе» своего мнѣнія, будто дѣти не обязаны благодарностью по отношенію къ родителямъ. Однако по нѣкоторымъ пунктамъ Радищевъ и на вторичномъ допросѣ Шешковскаго снабжалъ признаніе своей вины знаменательными оговорками. Соглашаясь, что не его дѣло было судить о злоупотребленіяхъ администраціи, онъ тѣмъ не менѣе не бралъ назадъ своихъ мнѣній по этому вопросу, заявляя, что «писалъ по умствованію своему о слышанныхъ имъ иногда въ народной молвѣ, якобы происходившихъ иногда по разнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ», будучи «наслышанъ въ народной молвѣ, будто бъ господа намѣстники употребляютъ данную имъ власть иногда по своимъ прихотямъ, не держась высочайшихъ учрежденій» [1]).

Былъ, наконецъ, одинъ вопросъ, въ которомъ такія оговорки Радищева становились особенно настойчивыми, уничтожая почти весь смыслъ его отреченія отъ идей «Путешествія». Это былъ вопросъ о тяжести положенія крѣпостныхъ и о необходимости ихъ освобожденія. Въ первой своей повинной, говоря о мотивахъ, вызвавшихъ его къ написанію «Путешествія», Радищевъ замѣчалъ: «я думалъ въ заблужденіи моемъ, что могу принести иногда пользу, описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ; думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердо». Оправдывая далѣе своей проектъ освобожденія крестьянъ, онъ говорилъ: «въ проектѣ... я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно; ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ и фабрикамъ законоположницей, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписаннымъ къ заводамъ крестьянамъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его, мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ,

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 428, 438, 426, 435—6, 433, 434.

если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія». Когда ему поставлено было на видъ мнѣніе Екатерины, согласно которому нигдѣ не было лучше судьбы русскихъ ктестьянъ у хорошаго помѣщика, онъ заявилъ, что въ этомъ онъ и самъ увѣренъ, но писалъ о тяжеломъ ихъ положеніи, «чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Равнымъ образомъ и на другіе вопросы относительно заключающихся въ «Путешествіи» разсказовъ о насиліяхъ помѣщиковъ и убійствахъ послѣднихъ крестьянами онъ повторялъ, что этими разсказами онъ хотѣлъ помѣщиковъ отъ «дурныхъ поступковъ воздержать», и «посрамить, а не меньше и навести страхъ». «Чтобъ крестьяне были вольные,—прибавлялъ онъ,—то его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что-де сіе сдѣлано будетъ по волѣ государыни», и когда ожидалъ крестьянской свободы отъ самой тяжести порабощенія, то «разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ крестьянъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ» [1]). Такимъ образомъ, даже лицомъ къ лицу съ Шешковскимъ, наканунѣ суда и приговора, Радищевъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы, хотя коснѣющимъ отъ страха языкомъ, все же признать свою скорбь о крѣпостномъ крестьянствѣ и выговорить передъ правительствомъ слово защиты за него. Недаромъ въ его семьѣ сохранилось преданіе, что, находясь подъ арестомъ, онъ заказалъ своему крѣпостному живописцу образъ одного заключеннаго за чрезмѣрную смѣлость обличеній святого съ надписью: «блаженны изгнанніи правды ради» [2]). Неда-

[1]) Тамъ же, 423, 426—7, 434—5, 437, 439.

[2]) Р. Вѣстникъ 1858, т. 18, с. 409.

ромъ также, возобнoвивъ въ тоскѣ заключенія свою литературную дѣятельность и начавъ писать повѣсть въ поученіе своимъ дѣтямъ, онъ выбралъ героемъ ея Филарета милостиваго и его примѣромъ убѣждалъ своихъ будущихъ читателей выше всѣхъ добродѣтелей цѣнить любовь къ ближнему или, говоря его языкомъ, «мягкосердіе» [1]).

Слѣдствіе Шешковскаго закончилось около 11 іюля и 13 іюля именной указъ Екатерины, данный на имя петербургскаго главнокомандующаго гр. Брюса, передалъ дѣло Радищева въ палату уголовнаго суда. Предварительное слѣдствіе, произведенное Шешковскимъ, опровергло обвиненія Радищева въ преступныхъ замыслахъ и дало новый матеріалъ для другихъ обвиненій лишь въ видѣ признанія самимъ обвиняемымъ преступности его мнѣній; новое свѣдѣніе, доставленное слѣдствіемъ, заключалось лишь въ сознаніи самого Радищева, что онъ послѣ цензуры Рылѣева внесъ въ свою книгу кое-какія не особенно значительныя дополненія и поправки, имѣвшія по преимуществу характеръ корректурныхъ исправленій. Соотвѣтствено этому и указъ Екатерины выставлялъ противъ Радищева главнымъ образомъ тѣ обвиненія, которыя были сформулированы ею при самомъ началѣ чтенія «Путешествія». Радищевъ предавался суду за то, что, по собственному признанію, напечаталъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской», и «послѣ цензуры управы благочинія внесъ многіе листы въ помянутую книгу» [2]). Одновременно съ этимъ указомъ гр. Брюсъ получилъ отъ Безбородка и инструкцію, какъ должно вести дѣло въ уголовной палатѣ. Согласно этой

---

[1]) См. эту повѣсть у Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, I, 598—611.

[2]) Сочиненія имп. Екатерины II, СПБ. 1850 г., т. III, с. 393.

инструкціи, палата должна была предложить Радищеву четыре вопроса: 1) онъ ли сочинитель книги? 2) въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее? 3) кто его сообщники? 4) чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія? «По таковомъ допросѣ—гласила инструкція—нетрудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный». Допросы же, произведенные Радищеву въ тайной экспедиціи, было признано совершенно излишнимъ сообщать палатѣ, и они остались въ тайнѣ. «Многія тутъ вещи—писалъ Безбородко—никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество?» «отнюдь не пристойно выводить передъ судомъ». Наконецъ, послѣдній пунктъ инструкціи содержалъ въ себѣ такое указаніе: «раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ» [1]).

Дѣйствуя въ полномъ согласіи съ данною ей инструкціей, уголовная палата предложила Радищеву указанные ей вопросы и, признавъ его по выслушаніи его отвѣтовъ виновнымъ, буквально переписала въ свой приговоръ ту часть указа 13 іюля, въ которой перечислялились преступленія Радищева. Труднѣе было отыскать прямые законы, на основаніи которыхъ возможно было бы покарать эти преступленія. Въ тогдашней Россіи не существовало законовъ, которые предусматривали бы преступленія за какія обвинялся Радищевъ. Изъ этого затрудненія палата вышла, примѣнивъ къ автору «Путешествія» почти всѣ статьи тогдашнихъ законовъ: Уложенія, Воинскаго Регламента и Морского Устава,—трактовавшія о государственныхъ преступленіяхъ и назначавшія за нихъ смертную казнь. Къ

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи I, 591.

Радищеву были такимъ путемъ примѣнены статьи законовъ, говорившія о «ворахъ, которые чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла», о преступникахъ, «умышляющихъ на государево здоровье злое дѣло», или желающихъ «московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти», объ офицерахъ, сдавшихъ непріятелю крѣпость безъ крайности, и т. п. На основаніи всѣхъ этихъ законовъ палата 24 іюля приговорила Радищева къ смертной казни [1]). Въ такомъ видѣ приговоръ поступилъ въ сенатъ, согласно ст. 13 жалованной грамоты дворянству, предписывавшей дѣла о лишеніи дворянина жизни, чести или имущества вносить на раасмотрѣніе сената и на утвержденіе верховной власти. Сенатъ призналъ приговоръ палаты правильнымъ и съ своей стороны полагалъ лишь до подписанія указа о смертной казни Радищеву, «заклепавъ его въ кандалы, сослать въ каторжную работу... въ Нерчинскъ» [2]). 11 августа мнѣніе сената было доложено императрицѣ, которая нашла нужнымъ передать его на разсмотрѣніе существовавшаго въ это время для особо важныхъ дѣлъ «совѣта ея величества». «Съ примѣтною чувствительностію—отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій—приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю». Черезъ восемь дней послѣ того докладъ сената и былъ внесенъ въ совѣтъ, при чемъ Безбородко объявилъ послѣднему замѣчаніе императрицы, что въ сенатскомъ докладѣ, «выписаны всѣ законы, кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился», и заявленіе Екатерины, что она «презираетъ все, что въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ ея высказано». Такимъ образомъ, совѣту были указаны два новыя обстоятельства, отягчавшія вину

---

[1]) Якушинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., Рус. Старина, 1882 г., № 9, сс. 495–501 и 505—6.

[2]) Тамъ же, с. 531.

Радищева: нарушеніе присяги и личное оскорбленіе, нанесенное императрицѣ. Совѣтъ, выслушавъ докладъ и «сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное» [1]).

Если вся судебная процедура по дѣлу Радищева потребовала для себя такимъ образомъ лишь немногимъ болѣе мѣсяца, то окончательное рѣшеніе дѣла затянулось на несоразмѣрно долгій срокъ. Лишь 4 сентября 1790 г. состоялся именной указъ сенату, опредѣлившій судьбу Радищева. Въ началѣ этого указа перечислялись всѣ преступленія, поставленныя въ вину Радищеву во время прохожденія его дѣла черезъ различныя судебныя инстанціи. Онъ, по словамъ указа, «оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того ложный поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу». За эти преступленія палата уголовныхъ дѣлъ и сенатъ присудили его къ смертной казни. «И хотя—продолжалъ указъ—по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости» по случаю заключенія мира со Швеціей, «освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское досто-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I. СПБ. 1869 г., с. 737.

инство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на 10-лѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ» [1]). Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ чрезвычайною поспѣшностью и большою суровостью. Радищеву не удалось даже передъ отъѣздомъ проститься съ своей семьей—дѣтьми отъ умершей жены и жившей съ ними свояченицей его. Прямо изъ петербургскаго губернскаго правленія, куда онъ былъ привезенъ изъ мѣста своего заключенія для выслушанія приговора, онъ и былъ отправленъ въ дорогу, при чемъ правленіе отъ себя распорядилось заковать его въ кандалы. У него не было теплой одежды,—на него надѣли «гнусную нагольную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата». Лишь въ Новгородѣ догналъ его курьеръ съ исходатайствованнымъ гр. А. Р. Воронцовымъ приказаніемъ Екатерины снять съ него оковы и доставить ему нужныя для дороги вещи [2]).

Воронцовъ и вообще принялъ большое участіе въ судьбѣ Радищева. Въ качествѣ президента коммерцъ-коллегіи онъ еще съ 1777 года былъ начальникомъ Радищева по службѣ и, успѣвъ оцѣнить въ немъ не только честнаго чиновника, но и человѣка большого образованія и высокихъ душевныхъ качествъ, дружески сблизился съ нимъ. Не покинулъ онъ Радищева и въ бѣдѣ, хотя самъ въ это время не пользовался расположеніемъ Екатерины, и петербургская молва даже называла его, правда, безъ всякихъ основаній, соучастниковъ въ книгѣ Радищева. Когда состоялся уже приговоръ палаты надъ послѣднимъ и братъ его, М. Н. Радищевъ, служившій въ архангельской таможнѣ, рѣшилъ было выйти въ отставку, чтобы посвятить себя воспитанію дѣтей своего брата, Воронцовъ уговорилъ его выждать окончанія дѣла, обѣщая во всякомъ случаѣ съ

---

[1]) П. С. З., № 16.901.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 399, 285.

своей стороны не оставить осиротѣвшей семьи. Послѣ того, какъ судьба Радищева была рѣшена указомъ 4 сентября, Воронцовъ назначилъ его семьѣ пенсію изъ своихъ средствъ и принялъ мѣры къ облегченію участи его самого. Съ этою цѣлью онъ написалъ тверскому, нижегородскому, пермскому и иркутскому губернаторамъ, прося ихъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ облегченію участи Радищева при проѣздѣ его черезъ ихъ губерніи, и пересылалъ черезъ нихъ деньги для Радищева, вскорѣ вступивъ съ нимъ и въ прямую переписку [1]. Большое сочувствіе къ судьбѣ Радищева выказывали и другія, знавшія его лица. Не только купцы на биржѣ плакали, узнавъ объ его участи, но даже полицейскій чиновникъ, объявлявшій его семейству о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ, исполнялъ это порученіе со слезами [2]. Приговоръ надъ авторомъ «Путешествія» многихъ изъ современниковъ поражалъ своею суровостью. Тогдашній русскій посланникъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовъ, писалъ своему брату, что подобное наказаніе, наложенное за простую опрометчивость, заставляетъ содрогаться [3]. Около этого же времени одинъ изъ московскихъ масоновъ писалъ въ Берлинъ Кутузову, другу Радищева: «жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности». Въ обществѣ не могли сразу примириться съ мыслью, что приговоръ, заключавшійся въ указѣ 4 сентября, будетъ осуществленъ на дѣлѣ во всей своей строгости, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ Радищевъ былъ вывезенъ изъ Петербурга, въ различныхъ кругахъ общества все еще упорно возникали одинъ за другимъ слухи о предстоящемъ или даже уже совершившемся смягченіи его

---

[1]) Тамъ же, 395—6, 396—400.

[2]) Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 409, 408.

[3]) „La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extreme. Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie... Cela fait fremir". Архивъ кн. Воронцова, IX, 181, письмо отъ 1 октября 1790 г.

участи. Черезъ два мѣсяца по объявленіи приговора, 31 октября 1790 г. Лопухинъ писалъ Кутузову, что въ Москвѣ ходитъ слухъ, будто Радищева велѣно отправить не въ Сибирь, а къ отцу его въ Саратовскую губернію. Еще ранѣе того до Кутузова дошелъ въ Берлинъ слухъ, будто императрица приказала возвратить его друга изъ Сибири и лишь запретила ему въѣздъ въ обѣ столицы [1]). Отцу Радищева многіе совѣтовали обратиться съ просьбою о смягченіи наказанія, постигшаго его сына, къ Потемкину, а въ Архангельскѣ въ маѣ 1791 г. было получено даже извѣстіе изъ Петербурга, будто Потемкинъ уже исходатайствовалъ свободу Радищеву, и къ послѣднему посланъ въ Сибирь курьеръ съ разрѣшеніемъ возвратиться [2]). Сочувствіе общества, сказавшееся во всѣхъ этихъ слухахъ и ожиданіяхъ, было однако безсильно въ чемъ-либо измѣнить судьбу автора «Путешествія», и онъ остался въ Сибири до конца царствованія Екатерины.

IV.

Кара, постигшая Радищева, въ первую минуту тяжело отозвалась на немъ. Изданіе «Путешествія» не было съ его стороны результатомъ легкомысленнаго увлеченія или неосторожной ошибки. Когда онъ издавалъ свою книгу, онъ приближался уже къ концу сорокъ перваго года своей жизни и былъ, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ обыкновенно не подчиняется первому влеченію чувства, а болѣе или менѣе тщательно взвѣшиваетъ свои рѣшенія и ихъ возможные результаты. Авторъ «Путешествія» могъ, конечно, предполагать, что его книга не особенно благосклонно будетъ встрѣчена императрицей, и онъ потеряетъ расположеніе послѣдней, но онъ, несомнѣн-

---

[1]) Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II, Р. Старина. 1874, № 1, с. 72; № 2, с. 262; № 3, с. 466.

[2]) Письма къ А. Р. Воронцову Н. А. Радищева отъ 9 марта и М. Н. Радищева отъ 17 мая 1791 г. Архивъ кн. Воронцова, V, 401 и 402.

но, не ожидалъ, что его мысли будутъ вмѣнены ему въ преступленіе. Тѣмъ менѣе могъ онъ ожидать для себя такой кары, какая послѣдовала въ дѣйствительности, и она глубоко потрясла его. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ссылку разбитымъ и физически, и нравственно. Трехмѣсячное заключеніе, долгая и томительная неизвѣстность о своей судьбѣ и лишенія, испытанныя въ началѣ пути, надломили его и безъ того слабое здоровье, и въ Москву его привезли настолько больнымъ, что здѣсь пришлось остановиться и ждать его выздоровленія. Выѣхавъ изъ Нижняго, онъ опять было заболѣлъ и болѣе или менѣе оправился, лишь подъѣзжая къ Казани. Но сильнѣе физическихъ страданій мучила его въ это время мысль о дѣтяхъ, оставшихся безъ призора и обезпеченія. «Какъ скучно вспомнить,—писалъ онъ Воронцову изъ Перми,—что я живу въ разлученіи съ дѣтьми... Если кто знаетъ, что дѣйствительнымъ блаженствомъ я полагалъ быть съ ними, тотъ можетъ себѣ вообразить, что скорбь моя должна быть безпредѣльна». «Признаюсь,—писалъ онъ въ другой разъ,—что чувствительно было видѣть на себѣ желѣзы, но разлука съ дѣтьми моими есть для меня темная смерть» [1]). Переживая эту скорбь разлуки съ дѣтьми и безпокойства объ нихъ, Радищевъ готовъ былъ даже винить исключительно себя въ томъ, что попалъ въ бѣду, которой не случилось бы, еслибы онъ не утаилъ своего «безразсудства» отъ Воронцова. «Пенять, ни сѣтовать мнѣ не на кого совершенно,—писалъ онъ послѣднему, соглашаясь съ его словами въ письмѣ къ тверскому губернатору.—Я самъ себѣ устроилъ бѣдствіе и стараюсь сносить казнь мою съ терпѣніемъ». Извѣстіе о томъ, что Воронцовъ принялъ на себя заботу объ его семьѣ, нѣсколько успокоило Радищева, но все же его не переставала волновать мысль о дѣтяхъ и своей винѣ передъ ними, и въ своихъ письмахъ съ дороги къ Воронцову онъ не разъ

[1]) Тамъ же, V, 400 и XII, 428, 426.

говоритъ о своемъ раскаяніи въ совершонномъ проступкѣ и о намѣреніи «исправиться». Порою эти выраженія скорби и печали были очень рѣшительны, до нѣкоторой степени напоминая даже показанія, данныя Радищевымъ на допросахъ. Еще 8 марта 1791 г., въ письмѣ, отправленномъ изъ Тобольска, онъ говорилъ, что самъ навлекъ на себя несчастье «безразсудствомъ, непростительнымъ въ его годы». Восемь мѣсяцевъ спустя, въ письмѣ, посланномъ изъ Иркутска 5 ноября 1791 г., онъ опять повторялъ, что ничто не можетъ заглушить въ его душѣ печали, происходящей отъ разлуки съ дѣтьми, и что эта печаль, заставляя его раскаиваться въ совершонномъ проступкѣ, не позволила бы ему вновь «впасть въ преступленіе». «И признаюсь вамъ чистосердечно,—прибавлялъ онъ,—каково должно быть мое поведеніе, чтобы раскаяніе изъявляло, не знаю» [1]).

Но какъ ни велика была душевная растерянность, охватившая Радищева въ первый моментъ послѣ осужденія, какъ ни сильна была въ его сердцѣ любящаго отца печаль о покинутыхъ дѣтяхъ, его дѣятельный умъ не могъ долго жить одними лишь впечатлѣніями сухой и безплодной скорби. Путешествіе, хотя бы и невольное, само по себѣ уже до нѣкоторой степени разсѣивало эти впечатлѣнія, давая обильный и разнообразный матеріалъ для наблюденій надъ природой и жизнью страны, которую путешественнику предстояло проѣхать изъ конца въ конецъ. Такого рода наблюденія могли производиться имъ тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что хлопоты Воронцова передъ мѣстнымъ начальствомъ тѣхъ губерній, которыя долженъ быть проѣзжать Радищевъ, не остались безъ послѣдствій: начиная съ Твери, онъ былъ уже снабженъ необходимыми вещами, могъ запасаться книгами и вещами и пользовался нѣкоторыми другими льготами. Въ свою очередь нравственная поддержка Воронцова, тѣ утѣшенія и

---

[1]) Тамъ же, V. 288. XII, 427; V, 289 и 328.

ободренія, какія находилъ въ его письмахъ Радищевъ, забрасывали искру надежды въ его измученную душу и воскрешали въ ней энергію. «Еслибы не блисталъ лучъ надежды. хотя въ отдаленности, —писалъ онъ по этому поводу Воронцову,—еслибы я не находилъ толикое соболѣзнованіе и человѣколюбіе отъ начальства въ проѣздъ мой черезъ разныя губерніи, то признаюсь, что лишился бы, можетъ быть. и совсѣмъ разсудка». Во всякомъ случаѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ совершалась поѣздка Радищева, впечатлѣнія дороги скоро завладѣли его вниманіемъ и дали богатую пищу его разностороннему и воспріимчивому уму. «Разумъ мой—писалъ онъ уже изъ Нижняго 20 октября 1790 г.—можетъ иногда заниматься упражненіемъ. Когда я стою на ночлегѣ, то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе» [1]). Если первоначально эти наблюденія служили для Радищева по преимуществу средствомъ разсѣяться, «примѣчаніями и наблюденіями естественности разогнать черноту мыслей» [2]), то постепенно они все болѣе занимали его и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали совершенно самостоятельное значеніе. Его письма къ Воронцову съ теченіемъ времени все въ большей мѣрѣ переполнялись разнообразными замѣчаніями о характерѣ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, и о бытѣ ихъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начиналъ помышлять о систематическихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ своего будущаго пребыванія и все чаще обращался къ Воронцову съ просьбами о высылкѣ необходимыхъ инструментовъ и книгъ. Начиная съ Казани, куда онъ прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, онъ сталъ вести путевыя замѣтки въ формѣ дневника, и прекратилъ ихъ составленіе лишь незадолго до окончанія своего длин-

---

[1]) Тамъ же, XII, 428; V, 286.

[2]) Тамъ же, XII, 428.

наго пути, 20 декабря 1791 г. [1]). Эти непритязательныя замѣтки, набросанныя ихъ авторомъ исключительно для самого себя, представляютъ большой интересъ, указывая тѣ вопросы, которые привлекали къ себѣ мысль ихъ составителя. Изо дня въ день Радищевъ, на ряду съ названіями проѣзжаемыхъ станцій и числомъ раздѣляющихъ ихъ верстъ, заносилъ въ свои замѣтки самыя разнообразныя свѣдѣнія, какія ему удавалось пріобрѣсти на пути. Геологическія наблюденія и краткія описанія мѣстности смѣняются здѣсь свѣдѣніями объ ея флорѣ и фаунѣ, которыя уступаютъ мѣсто отмѣткамъ объ этнографическихъ особенностяхъ жителей, ихъ бытѣ, промыслахъ и т. д. Экономическій бытъ населенія въ свою очередь привлекаетъ къ себѣ вниманіе автора замѣтокъ, съ особенною подробностью записывавшаго въ нихъ тѣ свѣдѣнія, какія ему удавалось собрать относительно тяжелаго положенія приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Очевидно, мысль писателя не только сохранила свой широкій кругозоръ и работала съ прежнею энергіей, но и возвращалась упорно на тѣ самыя пути, отъ слѣдованія по которымъ Радищевъ хотѣлъ было «исправиться».

Ко времени его пріѣзда въ Сибирь эти наблюденія перешли уже въ попытки систематическаго изученія. «Время моего здѣсь пребыванія,—писалъ онъ изъ Тобольска— я по возможности стараюсь употребить себѣ въ пользу пріобрѣтаніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній» [2]). Условія его обстановки до нѣкоторой степени благопріятствовали этому. Онъ могъ теперь менѣе тревожиться о своей семьѣ: младшія его дѣти были привезены къ нему уже въ Тобольскъ его свояченицей, Е. В. Рубановской, на которой онъ впослѣдствіи женился въ Илимскѣ, а старшія были отосланы, по его желанію, къ жившему въ Архангельскѣ брату его. Мѣстная высшая администрація, пред-

[1]) Копія этихъ замѣтокъ, какъ и замѣтокъ, веденыхъ Радищевымъ на пути изъ Сибири, любезно сообщена мнѣ В. И. Семевскимъ.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 291.

увѣдомленная о Радищевѣ Воронцовымъ и впервые увидѣвшая въ Сибири ссыльнаго новаго типа, отнеслась къ нему мягко, и онъ могъ, не торопясь въ мѣсто своей ссылки, прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ и болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ. Но въ концѣ концовъ надо было уѣзжать и изъ послѣдняго города, тѣмъ болѣе, что этого настоятельно требовалъ и Воронцовъ, опасавшійся новой вспышки гнѣва Екатерины. 3 января 1792 года Радищевъ пріѣхалъ съ своей семьей въ Илимскъ, глухой городишко Иркутской губерніи, не насчитывавшій въ себѣ и 500 жителей. Здѣсь онъ прожилъ еще шесть лѣтъ, отрѣзанный отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества, состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія объ его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника, и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ.

Но въ и этомъ медвѣжьемъ углу Сибири Радищевъ не остался въ бездѣйствіи. Вспомнивъ свои лейпцигскія занятія медициной, онъ сдѣлался врачемъ нуждавшагося въ медицинской помощи населенія Илимска, при чемъ ему случалось выступать въ роли не только врача терапевта, но и хирурга [1]). Не ослабѣла въ новой обстановкѣ жизни и его умственная энергія. Выписавъ въ Сибирь часть собственной библіотеки, онъ сверхъ того черезъ Воронцова получалъ французскіе и нѣмецкіе журналы и книги и такимъ путемъ по возможности слѣдилъ за европейской литературой и наукой. Въ своей перепискѣ съ Воронцовымъ онъ продолжалъ сообщать послѣднему обстоятельныя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ сибирской жизни, которую онъ изучалъ съ большимъ вниманіемъ, на сколько позволяло это его положеніе прикрѣпленнаго къ одному мѣсту человѣка. Плодомъ такого изученія явился, между

---

[1]) Тамъ же, XII, 430.

прочимъ, его трактатъ «О китайскомъ торгѣ», написанный въ 1792 г. въ формѣ письма къ тому же Воронцову. За время пребыванія въ Илимскѣ были написаны имъ еще два произведенія—«Сокращенное повѣтствованіе о пріобрѣтеніи Сибири» и большой философскій трактатъ «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи». Руководящія идеи этой разносторонней литературной дѣятельности, въ которой изученіе основныхъ проблемъ философіи соединялось съ изслѣдованіемъ вопросовъ современнаго экономическаго быта и попытками историческаго повѣтствованія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ были болѣе детально развиты, чѣмъ это удавалось сдѣлать Радищеву ранѣе, но въ общемъ ихъ направленіе осталось прежнимъ. Иногда же, наоборотъ, идеи, высказанныя въ «Путешествіи», въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Радищева являются лишь въ видѣ мимоходомъ брошенныхъ намековъ, достаточно, однакоже, ясныхъ для того, чтобы не могло возникать сомнѣнія насчетъ ихъ смысла. Главной задачей государства въ глазахъ Радищева по-прежнему является развитіе гражданственности, и въ своей статьѣ о завоеваніи Сибири онъ высказываетъ надежду на то, что когда-нибудь великія силы русскаго народа будутъ обращены отъ пріобрѣтенія внѣшняго могущества «на сниcканіе всего того, что содѣлать можетъ блаженство общественное» [1]). Въ области вопросовъ экономическаго и въ частности промышленнаго быта онъ въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ интересовъ народной массы, которые въ его пониманіи ведутъ къ предпочтенію деревенскихъ кустарныхъ промысловъ большимъ городскимъ фабрикамъ: выше мануфактуръ, которыя «за каждыми 200, 300, 500 или 1.000 человѣкъ, получающихъ хлѣбъ насущный, обогащаютъ одного или двухъ гражданъ», ставитъ онъ такое «рукодѣліе», которое, «не обогащая ни одного, многимъ частнымъ и большею частію сельскимъ жителямъ

---

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811, ч. VI, с. 11.

доставляетъ довольственное житіе» [1]). Но изъ всѣхъ трудовъ этой поры жизни Радищева наиболѣе важенъ для выясненія его воззрѣній и мѣста, занимаемаго имъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. его философскій трактатъ. Толчкомъ къ написанію этого трактата, какъ указываетъ самъ Радищевъ, для него послужило «нечаянное переселеніе» въ далекую страну, разлучившее его съ близкими людьми и почти отнявшее надежду на новое свиданіе съ ними. И раньше ему не разъ приходилось задумываться надъ тѣмъ, что ожидаетъ человѣка за порогомъ жизни. при чемъ онъ не находилъ, повидимому, вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ [2]). Теперь ссылка заставила его чаще прежняго возвращаться къ вопросу о томъ состояніи, какое наступаетъ для человѣка послѣ смерти, когда разрушается тѣло. прерывается жизнь и чувствованіе. Горечь разлуки съ близкими сдѣлала для него особенно привлекательной мысль о возможности, хотя бы и не достигающей степени очевидности, нѣкогда, если не въ этой жизни, то въ будущей, «паки облобызать своихъ друзей и сказать имъ: люблю васъ по-прежнему» [3]). Подъ вліяніемъ такого настроенія онъ принялся за философскій трактатъ, спеціально посвященный вопросу о безсмертіи. Трактатъ этотъ, обнаруживающій въ авторѣ обстоятельное знакомство съ западно-европейской естественно-научной и философской литературой и рѣдкое для рус-

---

[1]) Тамъ же, с. 94.

[2]) Его колебанія нашли себѣ характерное выраженіе въ эпитафіи, написанной на смерть первой жены. „О, если то не ложно,— говоритъ здѣсь Радищевъ,—что мы по смерти будемъ жить;—коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно;—коль будемъ чувствовать, нельзя и не любить.—Надеждой сей себя питая—и дни въ тоскѣ препровождая,—я смерти жду, какъ брачна дня:—умру и горести забуду, —въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду!—Но если-жъ то мечта, что сердцу льститъ, маня,—и ненавистый рокъ отъялъ тебя на вѣки,—тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки“!.. Собраніе сочиненій Радищева ч. I, с. 199.

[3]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. II, сс. 5—6.

скаго человѣка той эпохи умѣніе пользоваться пріемами мыслителя, раздѣляется на четыре части. Въ первой Радищевъ устанавливаетъ необходимыя для него общія положенія и исходные пункты разсужденія: обозрѣвая жизнь человѣка, онъ пытается опредѣлить состояніе человѣка до рожденія, мѣсто, занимаемое имъ въ природѣ, его сходства съ минералами, растеніями и животными, наконецъ, его физическія и умственныя способности. Человѣкъ, по его взгляду, неразрывно связанъ со всею цѣпью существъ, образующихъ природу, и вмѣстѣ съ тѣмъ является наиболѣе совершеннымъ ея созданіемъ. Во второй части разбирается вопросъ о тожествѣ или различіи матери и духа, при чемъ, авторъ, считая возможнымъ лишь болѣе вѣроятное разрѣшеніе этого вопроса, приводитъ доводы въ пользу обоихъ мнѣній и заключаетъ ихъ изложеніе пространнымъ монологомъ, который онъ вкладываетъ въ уста своего воображаемаго противника, рѣшительнаго и послѣдовательнаго матеріалиста. Этотъ монологъ, дѣйствительно, вопроизводитъ довольно близко къ подлиннику многіе изъ основныхъ доводовъ философскаго матеріализма XVIII вѣка, въ частности многіе изъ тѣхъ доводовъ, которые нашли себѣ мѣсто въ «Системѣ Природы» Гольбаха [1]). Въ двухъ послѣднихъ частяхъ своего труда Радищевъ занимаетъ уже болѣе опредѣленную позицію. Рѣшительно выступая противъ безотраднаго съ его точки зрѣнія ученія матеріализма. но въ то же время далеко отходя отъ тра-

[1]) Выше намъ приходилось уже отмѣчать возможность вліянія автора „Системы Природы“ на Радищева въ другихъ вопросахъ. Радищевъ, нужно замѣтить, нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не называетъ имени Гольбаха, хотя нерѣдко ссылается на другихъ ученыхъ и философовъ. Однако его изложеніе доводовъ матеріализма во многомъ такъ близко къ изложенію Гольбаха, подчасъ повторяя не только мысли, но и слова послѣдняго, что трудно сомнѣваться въ непосредственномъ знакомствѣ русскаго писателя съ наиболѣе блестящимъ и глубокимъ представителемъ французскаго матеріализма XVIII вѣка. Тѣмъ любопытнѣе отмѣтить, что это знакомство, оказавъ несомнѣнное вліяніе на Радищева, не оторвало его однако отъ идеалистическихъ воззрѣній нѣ-

диціонныхъ представленій, онъ въ положительной части своего труда является ученикомъ и послѣдователемъ Лейбница, идеи котораго издавна легли въ основу его собственныхъ философскихъ взглядовъ. Доказывая, что въ мірѣ ничто не уничтожается, но все подвержено безпрерывному измѣненію, при чемъ каждая вещь переходитъ изъ одного состоянія въ другое, прямо ему противоположное и тѣмъ не менѣе уже заключающееся въ первомъ, онъ примѣнялъ этотъ общій взглядъ и къ явленію смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался рядомъ естественно-научныхъ наблюденій и теоретическихъ доводовъ обосновать мнѣніе объ отдѣльномъ бытіи души, какъ существа простого и несложнаго, и отсюда заключалъ о невозможности ея уничтоженія, мыслимаго вообще лишь въ формѣ разложенія. Съ другой стороны къ тому же выводу о неуничтожаемости души его приводило и представленіе о мірѣ, какъ о лѣстницѣ явленій, постепенно и непрерывно возвышающейся къ совершенству. Человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ силы, свойственныя низшимъ явленіямъ природы, но у него есть и специфическая сила—«мысленность». Такъ какъ однако всѣ силы въ природѣ не уничтожаемы, то тѣмъ менѣе можетъ подвергаться уничтоженію превосходнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣку силъ. Наконецъ, стоя на почвѣ только что указаннаго воззрѣнія на міръ, Радищевъ и будущую жизнь души представлялъ себѣ, какъ новую ступень на лѣстницѣ, ведущей къ совершенству, при чемъ, опять-таки въ согласіи съ теоріей Лейбница, допускалъ, что

мецкой философской школы. Въ условіяхъ исторической обстановки послѣднія оказывались болѣе понятными для пробудившейся на русской почвѣ личности, болѣе способными удовлетворить ея умственные и нравственные запросы, нежели прямолинейныя положенія матеріализма. Не всегда будучи въ силахъ опровергнуть эти положенія, Радищевъ однако отступалъ передъ тѣмъ впечатлѣніемъ безотраднаго унынія, какое они внушали ему. Но, какъ мы видѣли выше, его идеализмъ, воспитывая въ немъ высокій нравственный идеалъ, нисколько не мѣшалъ и даже содѣйствовалъ увлеченію общественными теоріями, на родинѣ своей истекавшими изъ другого теоретическаго источника.

въ этой новой жизни душа можетъ создать себѣ и новую, болѣе совершенную организацію [1].

Эта любопытная работа, явившаяся первою по времени попыткою перенесенія въ среду русскаго общества идей нѣмецкаго философсскаго идеализма въ томъ видѣ. какъ онѣ сложились въ моментъ, непосредственно предшествовавшій Канту, въ свое время не была напечатана и появилась въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими трудами Радищева, послѣдовавшими за «Путешествіемъ», лишь послѣ смерти автора, въ 1809 г., когда она не обратила на себя ничьего вниманія.

Среди неустанной умственной дѣятельности, наполнявшей досуги илимскаго узника, постепенно ослабѣвали болѣзненныя ощущенія, пережитыя имъ въ первый моментъ постигшей его кары и, оглядываясь на прошлое, Радищевъ получалъ возможность спокойнѣе судить о немъ и сознательнѣе оцѣнивать ту роль, какая досталась на его собственную долю въ развитіи русскаго общества. Ссылка попрежнему давила его тяжестью соединенныхъ съ ней лишеній. но, мечтая объ облегченіи этой тяжести, онъ не сгибался болѣе подъ нею. Въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» онъ говорилъ, что счелъ бы благодѣяніемъ. еслибы ему позволено было въ цѣляхъ изученія Сибири отлучаться изъ мѣста своего пребыванія. «Если—съ нескрываемою горечью прибавляетъ онъ—глаголъ мой заразителенъ, если дышу язвою, и взоръ мой возмущеніе разсѣеваетъ,—скитаяся по пустынямъ и дебрямъ, преходя лѣса. скалы и пропасти,—кто можетъ чувствовать дѣйствіе

---

[1]) Ср. Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. III. Казань. 1900 (II. А. Н. Радищевъ, какъ философъ). Г. Боброву принадлежитъ несомнѣнная заслуга перваго въ литературѣ рѣшительнаго указанія на ученіе Лейбница, какъ на источникъ философскихъ воззрѣній Радищева. Но при этомъ онъ ограничился лишь пересказомъ труда Радищева и приведеніемъ историко-литературныхъ справокъ объ упоминаемыхъ въ этомъ трудѣ писателяхъ, не давъ сколько-нибудь обстоятельнаго разбора и оцѣнки его. Послѣдняя задача еще ждетъ своего изслѣдователя.

толико злодѣйственна существа. Пускай гласъ мой не премѣнился, пускай выя не стерта и носится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубравѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля: а Тотъ, кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, тотъ знаетъ, что я, что быть бы могъ и что буду». Вспоминая прошлое, онъ въ томъ же трудѣ находилъ возможнымъ заявить, что его взгляды остались тѣми же самыми, какими они были до осужденія, и выяснить смыслъ допущеннаго имъ отреченія. По его словамъ, онъ охотно измѣнилъ бы свои взгляды, еслибы его убѣждали «доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковые —продолжалъ онъ—я въ возраженіи, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ; помню, что Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: «солнце коловращается». Яснѣе представлялось теперь Радищеву и общее значеніе тѣхъ идей, выразителемъ которыхъ онъ явился въ исторіи русскаго общества, и свою собственную судьбу онъ ставилъ въ тѣсную связь съ этимъ значеніемъ. Въ мірѣ идей, говоритъ онъ въ своемъ философскомъ трактатѣ, новыя мысли распространяются съ быстротою электричества. «Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ, и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе; а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается. Но время уготовленіе отъемлетъ всѣ препоны» [1]. За личными и случайными элементами своей судьбы Радищевъ открывалъ такимъ образомъ ея общій смыслъ, и терзавшая его душу скорбь смягчалась сознаніемъ величія той истины, провоз-

---

[1]) Собраніе сочиненій Радищева. М. 1811, ч. VI, сс. 138—9 и 68—9; М. 1809, ч. III, с. 110.

вѣстникомъ и служителемъ которой явился онъ среди современнаго ему общества.

Извѣстіе о воцареніи Павла вновь оживило въ душѣ Радищева надежду на возвращеніе изъ ссылки. 23 ноября 1796 года, дѣйствительно, состоялся рескриптъ имп. Павла на имя гр. Самойлова, разрѣшавшій Радищеву вернуться на родину и жить въ своихъ деревняхъ подъ надзоромъ мѣстнаго губернатора, которому предписывалось наблюдать за его поведеніемъ и перепиской [1]). Въ началѣ слѣдующаго года это повелѣніе дошло до Илимска и 20 февраля 1797 года Радищевъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Распродавъ или раздавъ все въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали, при стеченіи всѣхъ почти илимскихъ жителей, въ 3 часа пополудни. О, колико возрадовалось сердце наше!.. и еслибы не предстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предузнаваютъ, то выѣздъ нашъ былъ бы торжественный»... Со дня выѣзда изъ Илимска Радищевъ вновь началъ вести дневникъ и продолжалъ его до пріѣзда своего въ Москву 11 іюля 1797 г. Нося въ общемъ тотъ же характеръ, что и замѣтки, веденныя на пути въ Сибирь, этотъ дневникъ, отличается большею подробностью сдѣланныхъ въ немъ записей и обиліемъ внесенныхъ въ него бытовыхъ свѣдѣній. Какая-либо опредѣленная система записей отсутствуетъ въ немъ: авторъ то отводитъ цѣлыя страницы на запись слышанныхъ имъ мѣстныхъ преданій и разсказовъ и на описаніе поразившихъ его воображеніе видовъ, то заноситъ въ свой дневникъ рядъ краткихъ отмѣтокъ о различныхъ явленіяхъ экономической и соціальной жизни населенія, привлекшихъ къ себѣ его вниманіе, перемѣшивая ихъ съ такими же краткими записями о различныхъ происшествіяхъ, какія ему пришлось наблюдать во время пути. Ключъ ко многимъ изъ этихъ отмѣтокъ и записей въ настоящее время потерянъ безвозвратно, но въ тѣхъ конспективныхъ на-

---

[1]) Р. Старина, 1882, № 12, с. 499.

бросках, какіе онѣ представляютъ собою, живо чувствуется пытливый и глубокій умъ автора «Путешествія», быстро схватывающій характерныя черты наблюдаемыхъ явленій и связывающій въ одно стройное цѣлое разнородныя впечатлѣнія, получаемыя отъ окружающей дѣйствительности. Среди разнообразныхъ замѣтокъ, составляюшихъ содержаніе дневника, особенно часто мелькаютъ свѣдѣнія, относящіяся къ быту поселенцевъ и крестьянъ Сибири и помѣщичьихъ крѣпостныхъ русскихъ губерній. На первыхъ же страницахъ дневника авторъ записываетъ собранныя имъ свѣдѣнія о бытѣ и работахъ крестьянъ, приписанныхъ къ Колывановоскресенскимъ заводамъ. При проѣздѣ черезъ барабинскій округъ онъ отмѣчаетъ тѣ улучшенія, какія ему пришлось наблюдать въ жизни мѣстныхъ поселенцевъ, и прибавляетъ: «можно предсказать, что если разорительная рука начальства частнаго не прострѣтъ свое опустошеніе, если равняющаяся огню для сельскаго жителя приписка къ заводамъ не распространится на барабинскихъ жителей, то благосостояніе ихъ будетъ лучше и лучше». Плывя по Камѣ и Волгѣ съ караваномъ судовъ, нагруженныхъ желѣзомъ, Радищевъ заноситъ въ свой дневникъ наблюденія надъ порядками каравана и обращеніемъ съ рабочими, свѣдѣнія о размѣрахъ оброка помѣщичьихъ крестьянъ въ окрестныхъ селахъ, разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по преимуществу дворянъ. Такимъ образомъ, и въ эти мѣсяцы возвращенія изъ ссылки въ Радищевѣ, повидимому, ни на минуту не ослабѣвалъ горячій интересъ къ положенію крестьянства, и онъ не переставалъ внимательно вглядываться въ условія этого положенія и въ тѣ факты протеста противъ крѣпостничества, какіе порою являла крестьянская жизнь.

Получивъ въ Сибири первыя извѣстія о воцареніи Павла, Радищевъ возлагалъ сначала большія надежды на это событіе. Но по возвращеніи въ Россію онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что новое царствованіе далеко не является зарею того свѣтлаго дня обновленія русской об-

щественной жизни, о которомъ онъ такъ упорно мечталъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его собственная жизнь оставалась значительно стѣсненной. Получивъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, онъ все-таки оставался на положеніи осужденнаго преступника: ему не были возвращены его сословныя и имущественныя права, жить онъ долженъ былъ безвыѣздно въ своей деревнѣ Нѣмцово, въ Калужской губерніи, надъ его поведеніемъ и перепиской тяготѣлъ полицейскій надзоръ. Въ концѣ 1797 года онъ обратился къ императору съ просьбою о разрѣшеніи ѣздить для свиданія съ своимъ отцомъ и матерью въ отцовское имѣніе въ Саратовской губерніи. На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ, разрѣшавшій ему съѣздить въ Саратовскую губернію одинъ разъ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ разрѣшеніи не былъ указанъ маршрутъ пути, какъ не былъ назначенъ и срокъ пребыванія въ Саратовской губерніи, Радищевъ использовалъ, правда, полученное дозволеніе довольно широко: онъ поѣхалъ черезъ Москву, гдѣ у него были родственники, и оставался у отца около года [1]). Но за то остальное время Павловскаго царствованія онъ долженъ былъ, дѣйствительно, безвыѣздно прожить въ своей Калужской деревнѣ, и досугъ этого невольнаго уединенія онъ посвятилъ главнымъ образомъ литературной работѣ, плоды которой не разсчитаны были, однако, на вниманіе современниковъ, такъ какъ написанныя Радищевымъ въ эту пору его жизни произведенія увидѣли свѣтъ лишь послѣ его смерти. За эти годы онъ написалъ большую поэму: «Бова», въ 11 пѣсняхъ, нѣсколько мелкихъ статей и трактатъ, названный имъ: «Описаніе моего владѣнія». Въ послѣдней работѣ, посвященной по преимуществу обсужденію агрономическихъ и экономическихъ вопросовъ, Радищевъ касался и положенія крѣпостныхъ крестьянъ, и тѣ мѣста его работы,

---

[1]) Чтенія въ обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. 3, смѣсь, сс. 197—8; Архивъ кн. Воронцова, XII, 443, Русск. Вѣстникъ, 1858 т. 18, 421—2.

которыя такъ или иначе затрогиваютъ это положенiе, представляютъ большой интересъ. Въ самомъ началѣ «Описанiя», рисуя картину возвращающихся осенью съ убранныхъ полей крестьянъ, авторъ сопровождаетъ ее восклицанiемъ: «Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о, горестное напоминовенiе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую и самъ, самъ чуждъ есть, увы»! Въ другомъ мѣстѣ авторъ, говоря объ обязанностяхъ крестьянина по отношенiю къ государству и помѣщику, подводитъ итогъ правамъ помѣщика надъ крестьянами. Господинъ, говоритъ Радищевъ, можетъ крестьянина «продать оптомъ или подробно» и «есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы». Господинъ можетъ, далѣе, «заставить крестьянина работать, сколько хочетъ». Законъ Павла о трехдневной барщинѣ, вызвавшiй въ свое время горячiя похвалы со стороны нѣкоторыхъ нетребовательныхъ защитниковъ крестьянства, не имѣетъ серьезнаго значенiя въ глазахъ Радищева, дающаго ему трезвую и справедливую оцѣнку. «Нынѣ—замѣчаетъ онъ—только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположенiе сiе невеликое будетъ имѣть дѣйствiе, ибо состоянiе ни земледѣльца, ни дворового не опредѣлено». Указывая затѣмъ, что помѣщикъ располагаетъ правомъ суда и наказанiя надъ крестьяниномъ, можетъ распоряжаться его имуществомъ и дѣтьми и принуждать его къ браку, Радищевъ заключаетъ, что по отношенiю къ помѣщику «земледѣлецъ есть рабъ совершенно»: помѣщикъ не можетъ лишь «уволить селяниuа своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанiе за преступленiя, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо». Между тѣмъ по отношенiю къ государству крестьянинъ обязанъ только «жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какiе бы ни были; платить подати; судиму быть за обще-

ственныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ». Если крестьянинъ что и имѣетъ, то лишь въ силу милости господина. «Но кажется,—прибавляетъ авторъ, поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность, и проч.» [1]) На этомъ Радищевъ и останавливаетъ свое разсужденіе о крестьянахъ, обрывая мысль на полусловѣ, но уже одинъ характеръ даннаго имъ перечня помѣщичьихъ правъ въ связи съ требованіемъ земельной собственности для крестьянина достаточно ясно говоритъ, что авторъ «Путешествія» и въ эту эпоху своей жизни сохранилъ не только свой интересъ къ положенію крестьянства, но и свои широкіе реформаторскіе планы.

Воцареніе имп. Александра I, казалось, открыло дорогу къ проведенію этихъ плановъ въ дѣйствительную жизнь. Чрезъ три дня послѣ своего восшествія на престолъ онъ «простилъ и освободилъ» изъ ссылки и заточенія 156 лицъ, осужденныхъ тайной экспедиціей, возвративъ при этомъ чины и дворянство тѣмъ изъ нихъ, которые при осужденіи были лишены ихъ. Въ числѣ этихъ лицъ находился и Радищевъ. Пять мѣсяцевъ спустя, 6 августа 1801 г., онъ былъ назначенъ членомъ находившейся подъ предсѣдательствомъ гр. Заводовскаго комиссіи о составленіи законовъ, цѣлью дѣятельности которой являлось созданіе общаго руководящаго плана работъ по различнымъ отраслямъ законодательства. Гласно выраженное намѣреніе новаго государя «поставить въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства» придавало, повидимому, работамъ комиссіи особенное значеніе, и Радищевъ ревностно взялся за представившееся ему дѣло. «Когда разсматривали мы сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ товарищей его по этой комиссіи,—онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, при-

---

[1]) Собраніе сочиненій Радищева. М. 1811, ч. IV, 99. 145—7.

лагалъ свое мнѣніе, основываясь единственно на философскомъ свободомысліи [1]). Философское свободомысліе Радищева, какъ показываютъ сохранившіеся подлинники его мнѣній по частнымъ дѣламъ, рѣшавшимся комиссіей, заключалось въ отстаиваніи человѣческихъ правъ крѣпостныхъ и въ стремленіи оградить подсудимаго въ уголовныхъ дѣлахъ отъ произвола судей путемъ предоставленія ему права отвода послѣднихъ [2]). Но скоро его встрѣтило новое и горькое разочарованіе. Не ограничиваясь частными вопросами. поднимавшимися въ комиссіи. онъ составилъ было общій планъ реформы законодательства. Содержаніе этого плана дошло до насъ лишь въ неясныхъ намекахъ [3]), но онъ во всякомъ случаѣ былъ настолько радикаленъ, что гр. Завадовскій сдѣлалъ Радищеву строгій выговоръ и даже пригрозилъ ему Сибирью. Надежда, вспыхнувшая было въ душѣ Радищева, погасла при этой угрозѣ: вновь пришлось ему убѣдиться, что его завѣтныя идеи не могутъ быть проведены въ жизнь, что между ними и дѣйствительностью лежитъ по прежнему глубокая и непереходимая пропасть, и онъ не вынесъ тяжести этого разочарованія. Усталый и

[1]) Изъ записокъ Н. С. Ильинскаго, Р. Архивъ, 1879, № 12, сс. 415—6.

[2]) Сухомлиновъ. Статьи и изслѣдованія, I, 629—34.

[3]) Старшій сынъ Радищева въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ (Р. Старина, 1872, № 11) ничего не говоритъ объ этомъ проектѣ. Кн. П. А. Вяземскій, которому онъ передалъ свою записку, сдѣлалъ въ ней такую добавку: „Радищевъ-отецъ, кажется, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній“. Вяземскій не указываетъ однако источника своего сообщенія и Сухомлиновъ (назв. соч., с. 619) считаетъ его требующимъ подтвержденія. Въ дѣйствительности это сообщеніе настолько противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о Радищевѣ и въ томъ числѣ открытымъ самимъ Сухомлиновымъ подлиннымъ мнѣніямъ его по крестьянскому вопросу, что ему нельзя придавать никакой вѣры. Пушкинъ говоритъ, что Радищевъ изложилъ свои „мысли касательно нѣкоторыхъ граж-

разбытый тѣми испытаніями, какія ранѣе выпали на его долю, онъ не находилъ въ себѣ силы для новой борьбы и, быть можетъ, новаго мученичества, но не могъ и отказаться отъ тѣхъ идей, какія составляли весь смыслъ его жизни. Онъ выбралъ тотъ исходъ, на который самъ нѣкогда указывалъ, и прекратилъ ставшую непосильной борьбу, не складывая оружія. Въ ночь на 12 сентября 1802 г. онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ. «Радищевъ умеръ —писалъ одинъ изъ младшихъ его современниковъ [1])—и, какъ сказываетъ, насильственною, произвольною смертію. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостью философа, покоряющагося нообходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи. будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей? —Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели?—Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества».

Горячему защитнику интересовъ народной массы, ис-

данскихъ постановленій" въ проектѣ представленномъ имъ по начальству. Младшій сынъ Радищева сообщаетъ. что его отецъ составилъ проектъ гражданскаго уложенія, въ которомъ предлагалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія, уничтожить табель о рангахъ, ввести гласный судъ присяжныхъ, установить свободу вѣроисповѣданія и свободу книгопечатанія, освободить крѣпостныхъ и прекратить продажу людей въ рекруты, ввести поземельную подать вмѣсто подушной, установить свободу торговли и отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ (Р. Вѣстникъ 1858, т. 18, 424—5), Сухомлиновъ усматриваетъ въ такой передачѣ проекта нѣкоторое подновленіе и, не найдя никакого общаго проекта Радищева въ архивѣ комиссіи о составленіи законовъ, склоненъ предполагать, что такого проекта и не существовало (назв. соч., сс. 620—4). Но о проектѣ Радищева и его послѣдствіяхъ говоритъ и цитированный уже нами товарищъ Радищева по комиссіи—Ильинскій. По его словамъ, Радищевъ „написалъ комиссіи такое мнѣніе, что она должна быть поставлена почти вмѣсто сената и для составленія лучшихъ и твердыхъ законовъ требовать не только о производствѣ дѣлъ отчета, но и о всѣхъ приходахъ и расходахъ казенныхъ".

[1]) Борнъ въ альманахѣ „Свитокъ музъ", СПБ. 1803.

ходившему въ своей дѣятельности изъ идеала общественнаго равенства и свободнаго развитія человѣческой личности, не нашлось такимъ образомъ мѣста въ русской дѣйствительности на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, и богатая идейнымъ содержаніемъ жизнь писателя-гражданина оборвалась трагическимъ концомъ. Но эта трагическая судьба самого писателя еще не рѣшала вопроса о судьбѣ его идей въ современномъ ему обществѣ. На судѣ, происходившемъ въ 1700 г., Радищевъ совершенно правильно показывалъ, что онъ при составленіи своей книги, «общниковъ не имѣлъ». Не имѣлъ онъ сообщниковъ и въ теченіи всей последующей своей дѣятельности, оставаясь въ ней совершенно одинокимъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что вся эта дѣятельность не установила и никакого общенія между идеями писателя и умственною жизнью современнаго ему общества, пройдя для послѣдней совершенно безслѣдно.

Тѣ условія, въ какихъ проходила литературная дѣятельность Радищева, сами по себѣ уже затрудняли пріобрѣтеніе писателемъ вліянія на общество. Они не только создавали крайне неблагопріятную внѣшнюю обстановку для дѣятельности самого писателя, но и ставили серьезныя преграды на пути къ проникновенію достигнутыхъ ею результатовъ въ читательскую среду. Несомнѣнно, что благодаря этому, далеко не всѣ плоды богатой и разносторонней дѣятельности Радищева нашли себѣ дорогу въ сознаніе русскаго общества и были такъ или иначе восприняты жизнью послѣдняго. Въ иныхъ случаяхъ писатель, независимо отъ своей воли, оказывался обойденнымъ этою жизнью. Ссылка отрѣзала Радищева не только отъ умственнаго движенія Западной Европы, за которымъ онъ по возможности старался все же слѣдить изъ Сибири, но и отъ русской литературы. Всѣ произведенія, написанныя имъ послѣ изданія «Путешествія», увидѣли свѣтъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя по смерти ихъ автора, и къ этому времени лучшія изъ нихъ оказались ненужными, а немного позже —и запоздалыми. Такъ поворотъ въ судьбахъ русскаго про-

свѣщенія, который сказался уже въ ссылкѣ Радищева и дѣйствіе котораго продолжалось до воцаренія Александра I, не прошелъ безъ замѣтныхъ результатовъ для общества. Если онъ не могъ остановить самаго развитія просвѣщенія, то во всякомъ случаѣ успѣлъ оборвать нѣкоторыя нити его и сдѣлать это развитіе болѣе одностороннимъ. Стремленіе усвоить не только политическія теоріи Запада, но и его философскія системы вновь проявилось въ русскомъ обществѣ лишь въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, но къ этому времени главный трудъ послѣднихъ лѣтъ жизни Радищева—его философскій трактатъ, для своего времени имѣвшій большое значеніе, уже совершенно устарѣлъ. Иначе стояло дѣло съ самымъ важнымъ трудомъ Радищева—«Путешествіемъ», носившимъ болѣе общій характеръ и заключавшимъ въ себѣ не только изложеніе теоретическихъ взглядовъ автора, но и критику конкретныхъ явленій русской жизни. Уничтоженіе этой книги, произведенное сперва авторомъ, а затѣмъ судомъ, сильно сократило, правда, предѣлы ея распространенія. Тѣмъ не менѣе такое уничтоженіе не было полнымъ. Когда книга только что вышла въ свѣтъ, она, по словамъ гр. Безбородка въ его письмѣ къ правителю канцеляріи кн. Потемкина, Попову «начало входить въ моду у многой шали» [1]. О «великомъ любопытствѣ публики» къ книгѣ Радищева свидѣтельствовалъ на допросахъ у Шешковскаго и писатель Осиповъ [2]. Это любопытство публики спасло книгу отъ совершеннаго истребленія и послѣ состоявшагося надъ нею приговора. Массонъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что, несмотря на обыски въ домахъ съ цѣлью истребить «Путешествіе», оно сохранилось во многихъ домахъ и находились люди, которые платили по 25 р. за то, чтобы на одинъ часъ получить для чтенія эту книгу [3]. Въ книж-

---

[1]) Григоровичъ. Канцлеръ кн. А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени. 1881. т. II, сс. 94—5.

[2]) Сухомлиновъ. назв. соч., с. 589.

[3]) Mémoires secrètes sur la Russie, t. II, pp. 188—91, 200.

ныхъ магазинахъ Москвы «Путешествіе» можно было достать и послѣ процесса Радищева [1]). Заходила книга послѣдняго если не въ печатныхъ, то въ рукописныхъ экземплярахъ и въ далекіе провинціальные углы: самъ Радищевъ, возвращаясь въ 1797 г. изъ ссылки, нашелъ копію своей книги въ Кунгурѣ [2]). Наконецъ, по свидѣтельству Гельбига, рукописное «Путешествіе» проникло и за границу, и многіе отрывки изъ него были помѣщены въ «Эндорскомъ Оракулѣ» («Das Orakel zu Endor»), издававшемся въ Лейпцигѣ въ 1794—5 гг. Самъ по себѣ этотъ фактъ распространенія книги Радищева, конечно, не говоритъ еще о его вліяніи на современное ему общество, какъ и сочувствіе разныхъ лицъ въ обществѣ къ судьбѣ автора «Путешествія» не говоритъ еще о сочувствіи къ его идеямъ. Если судьба Радищева могла вызывать и вызывала дѣйствительно сочувствіе къ нему даже у лицъ, не раздѣлявшихъ его идей, то и успѣхъ его книги въ извѣстной мѣрѣ могъ быть созданъ тяготѣвшимъ надъ ней запретомъ. Но у насъ есть и свидѣтельства, говорящія, что успѣхъ «Путешествія» не былъ исключительно внѣшнимъ и что, по крайней мѣрѣ, часть общества оцѣнила по достоинству значеніе идей, высказанныхъ Радищевымъ въ этомъ его произведеніи.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ 1792 г. есть такой «Отвѣтъ г-на Радищева, во время проѣзда его черезъ Тобольскъ любопытствующему узнать о немъ».

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ.
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ.
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ.
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду [3]).

---

[1]) Р. Старина, 1874. № 2, с. 259.

[2]) Изъ рукописнаго дневника Радищева.

[3]) Приведено г. Ефремовымъ въ его примѣчаніяхъ къ „Живописцу“, изд. 1864 г., с. 349.

Если даже предположить, какъ дѣлаетъ это г. Якушкинъ [1]), что стихотвореніе это принадлежитъ самому Радищеву, то включеніе его въ сборникъ показываетъ, что въ обществѣ были люди, живо интересовавшіеся, хотя бы и со словъ самого писателя, общимъ смысломъ его дѣятельности. Опредѣленіе этой дѣятельности, весьма близкое по своему содержанію къ приведенному стихотворенію, дано было по смерти Радищева двумя молодыми писателями. «Друзья!—писалъ цитированный уже нами Борнъ въ своемъ некрологѣ Радищева—посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева. Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жаждало озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немерцающимъ лучемъ вѣчности; жаждало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости—и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи—и сошелъ въ гробъ; въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ, достойный его!» У другого писателя и поэта этой эпохи—Пнина, смерть Радищева вызвала такой откликъ:

Уста, что истину вѣщали,
Увы, на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ современниковъ Радищева успѣли уловить смыслъ его проповѣди и трагедіи его личной жизни, и между писателемъ и обществомъ установилось извѣстное общеніе хотя бы и весьма слабое. Не исчезло это общеніе и въ слѣдующую эпоху: у Радищева юный Пушкинъ учился ненависти къ крѣпостному праву...

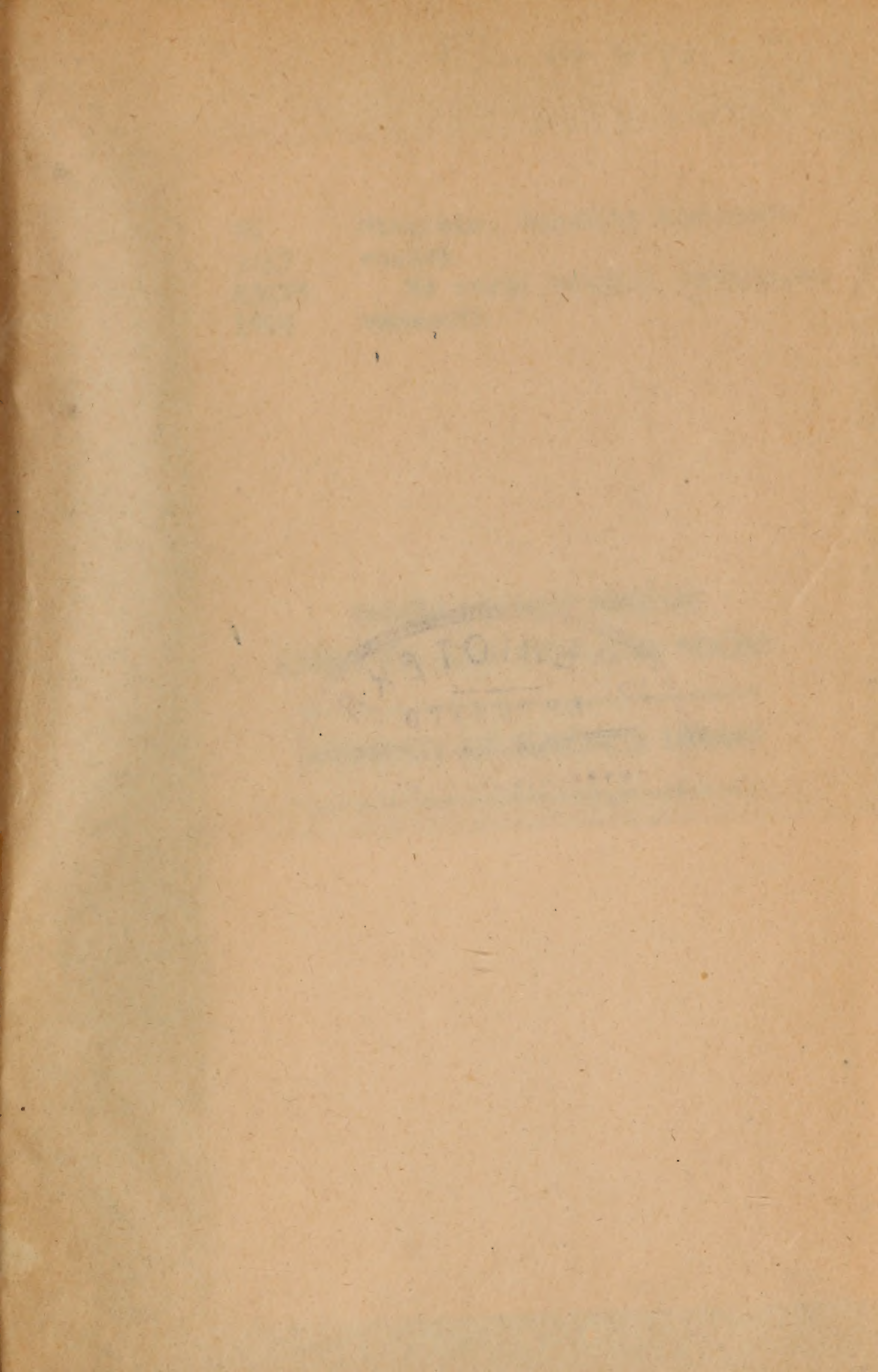
Среди своихъ современниковъ Радищевъ явился наиболѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ

---

[1]) Р. Старина, 1882, № 9, с. 519.

европейскихъ идей своей эпохи въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности. Въ его лицѣ изъ среды русскаго общества впервые вышелъ человѣкъ, глубоко усвоившій главные результаты западно-европейской мысли и сознательно увидѣвшій въ нихъ не только теоретическую истину, но и средство служенія благу народной массы на своей родинѣ. Благородный идеалистъ, далеко опередившій свой вѣкъ, палъ жертвою смѣлости своей жизни. Но начатое движеніе не остановилось съ его гибелью и дѣятельность его самого не прошла безплодно. Брошенное сѣмя вошло въ почву и слѣдующія поколѣнія увидали его первые ростки.

Дозв. ценз. Ростовъ на Дону.—Акціонерная печатня